

W4 (23)
2004+

ТАЛЫЦЫ

A. Lugoskyko Helmi Dufon

A. Lugoskyko Helmi Dufon

A. Lugoskyko Helmi Dufon

ТАЛЫЦЫ

Тальцы • 4 (23) • 2004

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
• ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

№ 105621

ИСТОРИЯ

Э. Бютов. Происхождение и история бужских голендров 3

Б.С. Шостакович. Голендры: этимология термина и
понятия 23

Н.Г. Галеткина. Несколько замечаний в ответ на критику 36

ЭТНОГРАФИЯ

Г.Н. Макогон, Е.В. Людвиг, Н.И. Людвиг. Традиция Пасхи
в Пихтинске 40

Л.Г. Басина. «Холендерские» дома в Сибири: архитектурный
анализ 47

СОВРЕМЕННОСТЬ

Г.Н. Макогон. Заларинский краеведческий музей и
пихтинские голендры 56

Н.Г. Галеткина. По следам старых писем 67

Отец Игнацы Павлусь. О Пихтинске в Пихтинске 82

ВОСПОМИНАНИЯ

З.А. Зелент. 94

О.А. К. 103

У Р 110

№ 105621

ХСЯ

СОВ

..... 116

..... 125

..... 126

Иркутская государственная университетская библиотека
им. И.Н. Мухоморова
г. Иркутск, ул. Сибирского

ОКЛ

Учредитель и издатель: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы»

Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05

Редакционная коллегия: канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), А.К. Нефедьева, В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редакторы-составители номера: Ю.П. Лыхин, Н.Г. Галеткина

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Компьютерный набор: О.А. Стафеева

Оригинал-макет: Ю.С. Макарова

Подготовка к печати: Изд-во «Макаров»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г., выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05, факс (8-3952) 20-10-92, e-mail: talci@irk.ru

На обложке:

С. 1 — Дом-комплекс пихтинских голендров (дом А.П. Шипицына). Деревня Дагник, Иркутская область. Фото Ю. Лыхина, 2004 г.

С. 2 — Бужские голендры. Фото начала XX в.

С. 3 — Пихтинские голендры. Фото Ю. Лыхина, 2004 г.

С. 4 — Дом А.М. Гильдебрант. Деревня Пихтинск, Иркутская область. Фото В. Тихонова, 2004 г.

Подписано в печать 14.12.04. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 7,11. Тираж 1000 экз. Заказ № 4202. Цена свободная.

Отпечатано в Изд-ве «Макаров», тел. 516-460, 516-484.

© АЭМ «Тальцы», 2004

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ

*Эдуард Бютов,
бужский голендр,
исследователь истории голендров,
г. Шверин, Германия*

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ

Правильная оценка пионерской роли голландцев в процессе колонизации речных долин и основания около 400 голландских деревень в Польше позволяет научно обоснованно и исторически верно называть старейшую и дальше всех продвинувшуюся на восток группу поселенцев как «голендры» («Holländer»), а не «гаулендры» («Hauländer»).

О НАЗВАНИИ «ГАУЛАНД — ГАУЛЕНДР»

Первые голландские поселения на Висле и Нетце, по данным К. Люка и А. Брейера, были, несомненно, заложены голландцами в конце XVI – начале XVII века. Оба ученых цитируют польского историка поселений в Польше К. Гладыловича, который относит понятие «гауланд» к обозначению заложенных колонистами селений в раскорчеванном лесу (по-польски — *rasieka*). Эти поселенцы были «гаулендры» (дровосеки, корчеватели), но никак не голландцы. Применение названия «гаулендры» по отношению к этнической группе бужских голендров польским пастором Шульцем является проявлением недостаточного изучения источников и в связи с этим полностью неприемлемым. У бужских голендров это выражение не известно. Оно очень поверхностно, в значении «корчевание, вырубка» оно должно быть применимо для всех поселенцев на востоке, и у бужских голендров в качестве их названия было бы нефункциональным. Это историческая и научная фальшивка, которая пошла от поляка по национальности, пастора и историка для того, чтобы выдать старейшую группу колонистов за коренных поляков. Достоверные источники доказыва-

ют, что лишь с середины XVII века самая современная форма поселений «голендерай» («Holländerei») была перенята другими немецкими переселенческими группами и поляками при внутренней колонизации. В материнской колонии и в дочерних колониях голендры вели с помощью современных орудий труда уже известную форму хозяйствования.

КРИТЕРИИ ГОЛЛАНДСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОЛЕНДРОВ

Автором разработаны важнейшие критерии определения голландского происхождения голендров. По времени и причинам эмиграции из Нидерландов для подтверждения голландского происхождения являются значимыми следующие критерии:

1) государственно-правовые, национальные, племенные и языковые аспекты;

2) религия, способ труда и уклад жизни;

3) правовые и экономические критерии, которые нашли свое выражение в форме поселения «голендердорф» (голландская деревня), в экономическом укладе и голландском праве;

4) названия мест, имена и фамилии.

Массовая эмиграция преследуемых за религиозные убеждения протестантов из Голландии в Пруссию началась с 1530 года вследствие их постоянного притеснения. Переселение началось из городов Хорн, Амстердам, Дордрехт, Кампен морским путем в Данциг (Гданьск) и затем дальше в низовья Вислы. Некоторые бежали через Любек, Бремен или Гамбург. Для определения точных следов во времени и пространстве поздних бужских голендров нет точных данных. Бегство в Пруссию было тесно связано с общностью населения обеих областей в связи с их принадлежностью к Ганзейскому союзу. Германский орден был членом Ганзы с тех пор, как единственный имперский князь принял участие в качестве главного учредителя в заседании Ганзейского союза в 1356 году в Любеке, в заседании участвовали 80 ганзейских городов. Участие общины города Утрехт в Германском ордене было прервано в 1528–1536 годы императором Карлом V. Регулярные поездки герцогов Голландии и Гельдерна в Пруссию и в Литву содействовали их близости с Пруссией.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

В XVI–XVII веках решающей была государственно-правовая принадлежность. Когда началось первое переселение

беженцев из Голландии, голландцы, так же как и переселенцы из Фландрии, были еще прочными звеньями нижненемецкого корня, поэтому переселенцы были названы голландцами. Отчуждение от Германского рейха началось с 80-летней национально-освободительной борьбы против Испании, в которой Германский рейх отказал в поддержке Нидерландов. Еще 100 лет после начала побега голландцев Нидерланды входили в «Священную Римскую империю германской нации». Только Вестфальский мир, подписанный в Мюнстере в 1648 году, привел к окончательному отделению Нидерландов от Германского рейха. Как независимое государство возникли Объединенные Провинции Нидерланды. Западная Фрисландия по государственному-правовому положению относилась к Голландии, хотя население по происхождению было фризами, а не голландцами. Меннониты, особенно в Гданьске, назывались фризами, а не голландцами, переселенцы называли себя голландцами (по-латыни «Hollandi» или «Batavi»). Договоры на переселение в Прусскую Голландию подписывались аналогично.

Доктор К. Люк установил те же различия между голландцами и «гаулендрами», что и В. Кун. Он приравнивает незначительное по числу переселение голландцев к переселению немцев, так как Нидерланды к началу переселения на восток все еще были немецкой имперской областью. Доктор Люк цитирует по карте «Немецкие новые поселения» польского историка Гладыловича: «Первые голландские поселения на Висле и Нетце в конце XVI – начале XVII века, несомненно, были заложены голландцами» (7, с. 330). Позднее в лесах появилось много хуторов, которые также назывались «голендры». Гладылович подчеркивает название «гауланд» — разработанная земля (по-польски — пасека) как заложенное немецкими колонистами поселение на выкорчеванной от леса земле, которые были гаулендрами (Hauländer = Holz hauen), а не голландцами.

Специалисты по меннонитам Г. Вибэ и Г. Пэннер убеждены, что Нидерланды — родина голландских переселенцев. Точное определение их прежнего пребывания затруднено. Большой частью они прибыли из Северной Голландии. Б. Шумахер проанализировал 43 переселенца в Прусской Голландии по их происхождению: 26 из них (60 %) — из Голландии, 6 (14 %) — из Брабанта, 3 (7 %) — из Зеландии, 2 (5 %) — из Гельдерна и по 1 из Утрехта... (10, с. 259). В Голландии отделились нидерландцы от немцев, в местах поселения этого не было. Это доказывают диалект и местные названия.

ЯЗЫК ГОЛЕНДРОВ

Были германский и голландско-фризский диалекты, которые в XII веке возникли из нижненемецкого. В Пруссии говорили на нижненемецком диалекте. Б. Унру пишет, что в области Гданьск — Торн произошло нижнеоламунское изменение языка. «Переход от голландского к мариенбургскому нижненемецкому диалекту и далее к литературному немецкому языку не представляет особенных проблем» (11, с. 266).

Б. Шумахер ссылается на языковеда Венцельбургера и говорит: «Нидерландский язык — это диалектическая разновидность средненемецкого и нижненемецкого языков» (10, с. 131). Верхненемецкий (литературный) был также широко распространен в Нидерландах, поэтому язык переселенцев не сильно отличался от немецкого языка и давал своеобразную основу для тесной общности переселенцев, особенно между лютеранами и меннонитами. Когда со временем немецкий язык был утрачен, то вместо него стали использовать «хохлацкий».

Большинство голландских лютеран смешивались уже через два-три поколения с местным нижненемецким населением. Исключение составляли меннониты и переселившиеся на Буг голендры, хотя уже с 1600 года из-за постоянного увеличения числа польских переселенцев и введения польского языка в учреждениях, судах и церквях польский язык становится преобладающим.

ГОЛЛАНДСКОЕ ПРАВО (HOLLÄNDERRECHT)

Историю живущих замкнуто бужских голендров и их успешное проживание в течение веков можно объяснить в основном их особым укладом жизни и экономики, твердой евангелиско-лютеранской верой, а также голландским правом. Сразу после переселения голландцы применяли свои особые способы строительства сооружений для людей и для скота. Они строили деревянные дома и хозяйственные постройки как многофункциональные комплексы из бруса и с островежной кровлей, где под одной крышей находились хозяйственные и жилые помещения. Их поселения, посыпанные песком, строительный стиль дворов, жилых домов и колодцев значительно отличались от нидерландско-франкских дворов со многими домами и садами, обнесенными заборами, и создают особую картину деревни в низовьях Вислы. Та же картина в поселениях бужских голендров в Сибири.

В противоположность крестьянам немецких сельских общин голландцы были свободными крестьянами. Эту свободу

обеспечивали договоры аренды (наследственная аренда) с владельцами земли. В земли переселения они привезли с собой голландское право, и это было принципиальным отличием от деревень, где жили немцы из Померании, Бранденбурга, Силезии и других немецких областей. Основу для совместного проживания составлял «dorfwillkür» — деревенская конституция, которая не даровалась землевладельцем, а согласовывалась с соседями (деревенская община). Она была обязательной для всех жителей и дважды в год зачитывалась публично. На основе этой конституции заключался договор об аренде земли с землевладельцем, который также подписывался и соседями. Поселенцы получали землю в долгосрочную наследственную аренду (эмфитезу) на срок в 10–50 лет. Как выражение доверия землевладельца срок аренды часто составлял 40 лет. В договоре об аренде оговаривались также право свободы вероисповедания, строительство церкви или молитвенного дома, введение пастора. Их религия и покорность (Посл. к Рим., гл. 13, ст. 1: «Всякая душа да будет покорна высшим властям»), а также совместная работа обеспечивали независимость поселенцев.

ГОЛЛАНДСКАЯ ФОРМА ПОСЕЛЕНИЙ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Деревни в низовьях и отдельные хутора, по Куну, называемые «голендерай» («Holländerei»), до 1650 года строились только голландцами. Система деревенских конституций голландцев основывалась на демократическом самоуправлении с ежегодными выборами предводителя, в ней деревенская община излагала принципы самоуправления и контролировала их исполнение. Каждый житель деревни был ответственным перед общиной. Средневековое учреждение управляющего, который назначался землевладельцем, поддерживалось всей свободной общиной поселенцев, через этот совет также велись переговоры с землевладельцем. Община обеспечивала и равноправное распределение земли на всех поселенцев. «Принципы голландской деревни проявляли себя с наилучшей стороны в течение двух столетий» (3, с. 129). Жителями деревни избирались староста и часто два советника сроком на один год.

После выплаты денег за аренду земли поселенцы были свободными крестьянами и ничем не были обязаны землевладельцу. Общественные работы велись строго по жизненному принципу: «Все за одного, один за всех». Они достигали с помощью современных методов и орудий труда в кратчайший

срок больших урожаев и доходов, чем местные жители, и были примером в глазах знати, землевладельцев, старост и католических епископов.

Эти узаконенные права и обязанности признавались в низовьях Вислы и внесены в привилегии 1604/1613 годов.

Защита и поддержка лютеран землевладельцами, в особенности семьей принявшего протестантство графа Лещинского (Lesczynski), а также позднее принявшей католичество семьей графа Радзивилла обеспечили во время контрреформации в Польше и господства иезуитов сохранность евангелической общины Нейдорф-Нейбрух как одного из переселенческих форпостов, наиболее выдвинутых на восток, а также общин в Вильне, Венгрове и Варшаве.

ОБРАЗ ЖИЗНИ И РЕЛИГИЯ

Жизненный уклад голландцев определялся их национальной, религиозной и экономической обособленностью, и через их религию определялся образ жизни и труда. Они поддерживали оживленные отношения друг с другом, со своими земляками в Гданьске, Эльбинге, а также в польско-прусских областях и на их старой родине в Голландии.

В селения чужаков не принимали, они жили обособленно. Церковь, школа, религия, воспитание и образование в христианском духе определяли их образ жизни. Прилежные, непритязательные и набожные поселенцы работали на основе взаимной поддержки на строительстве поселений, при освоении своих участков, обустройстве дворов. Их образ жизни делал их примером для местных жителей и других групп поселенцев.

Свобода вероисповедания, строительство церквей, школ, приглашение собственных пасторов и учителей были основными условиями поселенцев. М. Генниг называет их набожность типичным образом жизни. Он цитирует голландцев: «Где нет молитвенного дома, там нет жизни» (2, с. 106). Строительство деревянных церквей, готовность к пожертвованию, любовь к Дому Божьему и богослужениям прочно укоренились в них. Преклонение колена и целование рук были знаками уважения и благодарности пастору, к которому они шли за советом по всем жизненным вопросам.

В низовьях Вислы жила мощная община поселенцев лютеран и меннонитов. Тесный симбиоз поселенцев привел к общности лютеран в церкви и школе с крестителями (впоследствии меннонитами) и причастниками. Это доказывают Р. Хойер,

Б. Унру и Фелиция Шпер на примере различных голландских деревень.

Пруссия была главной целью эмиграции беженцев из Северной Голландии. После прорыва плотин, войн, вследствие недостаточной системы содержания область опустела, и ее надо было заселять вновь. Согласно Бертраму, заселение этой области голландцами, ее осушение, восстановление дамб в дельте и низовьях Вислы, ее притоков происходило в 1400–1700 годах. Во времена Германского ордена мастер по землеустройству Майнхардт фон Кверфурт имел наибольшие заслуги по осушению болот на Висле, Мотлау и Ногате.

1. Восточная Пруссия

После поражения молодого принца Альбрехта в войне 1520–1521 годов и его присяги на верность польскому королю в 1525 году последовал подъем сферы торговли с Польшей и преобразование государства-ордена в западное герцогство Пруссию. Одновременно произошел большой церковный переворот (Реформация). После бесед с Лютером возникло первое протестантское государство Европы. Рыцари ордена сложили с себя белые мантии с черным крестом. Карл V презирал Альбрехта, перешедшего в 1532 году в лютеранскую веру. Это был также сигнал для контрреформации и преследования протестантов в Королевстве Польском.

Новое заселение и восстановление колонизации герцогом Альбрехтом, активная торговля и хорошие отношения с Северной Голландией, Зеландией и Западной Фрисландией были ключами к успеху. Из-за действий инквизиции, особенно против крестителей, многие голландцы перебрались в Гданьский осушенный участок. Альбрехтом были разрешены переселенческие договоры на поселения в Гданьске, Эльбинге и Грауденце. Свое последнее мнение о голландских переселенцах он изложил в указе от 1559 года. Действия инквизиции приостановили дальнейшее переселение голландцев, которые затем начали селиться в польской части Пруссии.

2. Королевская польская Пруссия

Новое время принесло полную перестройку экономики Польши. Большие перемены произошли в сельскохозяйственном производстве. Благодаря экспорту продуктов земледелия и древесины (зерно, лес и пр.), а также ввозу технических товаров потребления из Западной Европы Гданьск как ганзейский город и как посредник стал играть ведущую роль при господстве голландских купцов и моряков. Когда тран-

зитный путь из Европы переместился на север к морю, жители Гданьска настаивали, чтобы польские торговцы продавали свои продукты только через них, и перекрыли прямое сообщение с перекупщиками, потребителями и торговцами. Самое большое зернохранилище и склад для переброски и хранения товаров возникли в Гданьске в обновленном порту на Мотлау.

Опустошение из-за войн, недостаток ухода и заботы, полностью разрушенные поместья и прорыв плотин на обоих берегах реки Вислы у Гданьска потребовали в 1543–1544 годах переселенцев с опытом в осушении и возделывании целинных земель. Все это сделало голландцев самыми любимыми переселенцами в Польше.

Свобода вероисповедания превратила Польшу в место убежища всех преследуемых протестантов и также протестантов из Голландии. Во время царствования веротерпимого короля Августа II в 1556 году рейхстаг подтвердил, что свобода вероисповедания связана с правом на строительство евангелических церквей и школ.

О выезде из Нидерландов пишет Е. Кейзер: «Интересно, что число переселенцев из Нидерландов превысило число переселенцев из Рейнланда, из всех западных и средненемецких областей, за исключением Нижней Саксонии» (4, с. 600).

Переселялись люди по экономическим причинам и в надежде, что они не будут в католической вере. Гданьск стал гаванью переселенцев из обеих частей Пруссии. Крестившиеся повторно люди, которых не принимал городской совет Гданьска, селились в предместьях, где была зона католических епископств.

Перенос торговли в Гданьск и Кёнигсберг, в голландские города и порты Амстердам, Энкуйзен, Хорн привел к тому, что значительное большинство переселенцев приехали из таких северных провинций, как Голландия, Зеландия, Западная Фрисландия и Верхний Иссель.

При помощи барков и проворных трехмачтовых судов с малой осадкой и водоизмещением до 200 тонн перевозились в Готланд, Гданьск и Ригу помимо сыров, полотна, соли, вина и пряностей также лошади и коровы (в том числе и знаменитой черно-белой породы). Мостом между Голландией и Балтийскими странами была бывшая столица Западной Фрисландии город Хорн. Этот порт был таким же значительным, как Амстердам. Для надежного переезда в Пруссию, как и во времена Ганзы, для голландцев и англичан был предпочтителен

морской путь через пролив Зунд и Балтийское море. Указом Карла V от апреля 1529 года, изданным в Шпеере, имперские князья обязывались ловить повторно крестившихся и передавать их в руки правосудия.

ОСНОВАНИЕ МАТЕРИНСКОЙ КОЛОНИИ НЕЙДОРФ-НЕЙБРУХ НА БУГЕ

Первые следы бужских голендров указывают на Польшу, где в 1564 году была основана голландская деревня Новавезь/Нейдорф у Грауденца. Здесь появилась первая церковная печать с крестом и датой «1564», которую они взяли с собой на Буг. В ходе нового заселения в Польше возникло 400 голландских деревень, основанных на голландском праве.

Дальнейшее переселение на Буг в 1617 году проходило при помощи принявшего протестантство графа Лещинского. Основание колонии Нейдорф-Нейбрух, введение голландского уклада жизни и экономики, а также и жизнь переселенческой группы в целом были возможны только благодаря активной поддержке графа Лещинского и других землевладельцев. Здесь возникло также современное название группы «бужские голендры».

Они всегда были свободными крестьянами, имели утвержденную ими деревенскую конституцию, работали на основе арендного договора по голландскому праву с землевладельцем. С 1650 года голландское право и «голендерай» как форма поселения стали примером для более поздних переселенцев в Польше и на Буге, которые уже не были голландцами (профессор В. Кун).

Неверный год основания материнской колонии Нейдорф — 1563/1564 — был принят без проверки немецкими учеными. Источник информации — противоречивые данные польского пастора Шульца. В их истинности сомневался В. Кун. Доказано, что Шульц в 1888–1897 годах был пастором в Нейдорфе и в статье 1902 года он использовал неполную латинскую хронику. Шульц начинает с описания казацкого восстания. Он использовал в своей статье и другие источники и высказывания, противоречащие фактам.

Вальтер Кун устанавливает научно правильную дату осно-

*Первая церковная
печать бужских
голендров. 1564 г.*

вания материнской колонии исходя из подробной хроники от 1776 года. Он перевел отсутствующую у Шульца первую часть хроники и в своем очерке «Начало Нейдорфа на Буге» изложил ее содержание.

Кун называет бужских голендров «примечательной группой поселенцев немецкого происхождения», которая в 1617 году в низовьях Буга в 20 километрах южнее Бреста основала деревни Нейдорф-Нейбрух, напротив маленького городка Славатыче.

Польский пастор Шульц не знал, что за 125 лет до него в 1775–1776 году варшавский пастор Шайдемантель напечатал полную хронику Нейдорфа в первоначальном тексте на латинском языке как приложение к своему произведению «О Великопольском Синоде» и посвятил его Синоду в Лиссе. Нейдорф тогда входил в Синод Лиссы. В качестве вступления к труду была напечатана «История деревни Нейбрух». Пастор Шайдемантель называет хронику «*satis memorabilis*» (очень примечательной). Он обслуживал далеко разбросанных приверженцев евангелической веры на юго-востоке Польши в Каменце, Лемберге, Ярославле, а также в Нейдорфе до 1766 года. В 1767 году он был призван в Варшаву первым евангелическим священником датского посольства и имевшейся там немецкой городской общины, которая до 1775 года относилась к городу Венгров.

Материнская колония была евангелическо-лютеранской общиной. Рейхстаг 1555 года в Аугсбурге («мир религий») вынужден был впервые признать равноправным наряду с католическим евангелическое вероисповедание. Так как Лютер отказался примириться с католичеством, то он был обвинен в ереси и поэтому в названии слово «лютеранская» было заменено на «аугсбургская». Это название сохранилось во все времена Польского государства, и оно воспроизведено на церковной печати. Рейхстаг установил принцип «*cuius regio, eius religio*» (чья страна, того и религия).

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ «БУЖСКИЕ ГОЛЕНДРЫ»

Пионерская роль и примерное влияние бужских голендров при культивации почвы через осушение, освоение земель и корчевание лесов на Буге были причиной их названия «бужские голендры» (по-польски «*Bużańskie Olendry*»). В. Кун назвал их, анализируя немецких поселенцев на востоке, четвертой немецкой группой поселенцев и предоставил достоверные источники. Вместе с основанными позднее дочерними посе-

лениями поселение бужских голендров стали прочной составляющей истории переселения.

В славянском окружении и вдали от немецкого языка потеря родного немецкого языка была делом времени. На Буге они доказали свою веру и почетное имя «голландцев как пионеров и учителей колонизации в низовьях Вислы». Вопрос их идентичности и имени был постоянно в центре интересов, в особенности старших бужских голендров, пасторов, а также историков и этнографов. Снова и снова задавались вопросы: «Кто вы? Откуда вы?» По сравнению с «другими», особенно с поляками, украинцами, русскими и евреями, им недоставало точных знаний, чтобы защищать свою идентичность и происхождение.

Они оправдали свое почетное имя и сохранили евангелическо-лютеранскую веру на Буге. Так возникло их имя «бужские голландцы/голендры». Неправильное название «гаулендры» отсутствует в русском языке. Русские ученые в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона 1893 года дают определение голендров как голландцев, в нем пишется:

Голендры — въ Гродненской губ. подъ этимъ названіемъ извѣстны потомки голландцевъ, поселившихся здѣсь, вѣроятно, въ XIII вѣкѣ. Въ настоящее время, въ Брестскомъ у., существуетъ близъ мѣстечка Влодавы только двѣ колоніи ихъ—Нейбровъ и Нейдорфъ, населеніе которыхъ, забывъ свой природный яз., говоритъ на мѣстномъ нарѣчій, съ примѣсю польскихъ словъ.

Определение голендров в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. 1893 г.

Польские приверженцы евангелической веры, в особенности пастор Шульц и позднее Лодвих, пытались навязать свое мнение бужским голендрам и общественности об их происхождении из Померании/Кашубского края, а их национальность относили к древним полякам (праполякам). Этому противятся инстинкт и чувства бужских голендров, их немецкие корни и голландское происхождение глубоко укоренились в их сознании благодаря устным преданиям их предков. Бужские голендры не могли дать ясного ответа, они полагались на предания и сообщения своих

отцов и дедов и чаще всего говорили: «Мы — олендры!», что означало «голландцы». Это название запечатлелось в их сознании и осталось по сей день в языке их старших земляков.

Их национальная, религиозная и экономическая обособленность долгое время защищала их от смешения и ассимиляции с поляками и украинцами. Этот обычай сохраняется и сейчас в трех сибирских селах Пихтинск, Средний и Дагник, где они живут как обособленная этническая группа.

ИСТОРИЯ БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ

По причине раннего поселения бужских голендров — в 1617 году — их история имела иной ход развития, чем история других немецких поселенцев на Волыни. Похожие черты истории возникали в основном со времени разделения в 1921 году в польской части Волыни, также после переселения «домой в рейх». Постоянная защита и сохранение евангелической лютеранской веры через века определили также ход истории голландцев в Польше и России. Характерными чертами для этого были следующие.

Протестанты, переселившиеся из Голландию в Польшу до и после Реформации 1525 года, имели сильную поддержку в лице короля, польской знати и городов, оказавших на них сильное влияние. Главным мотивом этой поддержки было обеспечение прогресса в экономике, науке и культуре. Католическая церковь также была задействована в экономических делах, но с ограничениями в вере. Веротерпимость вела к усилению притока голландцев из Нидерландов в 1530–1560 годах.

Реформация и позиция земельных князей в рейхе привели к Аугсбургскому религиозному миру в 1555 году, когда лютеранское вероисповедание впервые получило государственное признание.

Лютер, который считался главным врагом и еретиком, был причиной наименования их веры как «евангелическо-аугсбургская». Для Польши принцип «чья страна, того и религия» в борьбе против еретиков приобрел большое значение при подавлении и позднее уничтожении раскольников, то есть протестантов.

В рамках заселения низовий Вислы переселенцами из Голландии произошло также основание в 1564 году голландской деревни Нейдорф/Новавезь возле Грауденца.

Определяющим для поражения сильно притесняемых протестантов в Польше было призвание в Польшу ордена иезуитов с целью уничтожения раскольников. Происходили значительный переход дворянства и подданных в католическую веру, а также расширение господства католицизма на восток в об-

ласти, освоенные православными. Царил принцип контрреформации: «Со polak, to katolik», что означало: «кто поляк, тот католик». Этот национальный вопрос стал главным в повестке дня, и для лютеран был единственный вывод: лютер=немец.

В 1569 году в связи с объединением Польши с Литвой, закрепленным решением рейхстага в Люблине, произошло также объединение с провинциями Волынь, Курляндия и Лифляндия.

В 1617 году из-за притеснения со стороны иезуитов и войн происходило дальнейшее переселение на Буг с помощью принявшего протестантство графа Лещинского, когда в 1617 году возникли наиболее продвинутые на восток евангелическая лютеранская община и материнская колония бужских голендров Нейдорф-Нейбрух. Она была третьей по возрасту евангелической общиной Польши после Вильны (1555) и Кракова (1557). Она называлась также общиной Славатыче и причислялась к консистории Вильны (Вильнюса).

Польские историки в книге «500 лет Славатыче» подтверждают данные В. Куна: «Во время господства графа Лещинского появились поселенцы с Балтийского моря, которых называли голландцами/олендрами. Их предки происходили из Голландии, откуда они пришли в Пруссию и Польшу, преследуемые за свою религию. Землевладельцы пригласили сюда голландцев, чтобы улучшить обработку своих земель на Буге и получать больше доходов от них. Переселение происходило по голландскому праву, которое опиралось на процентную аренду» (9, с. 16).

По «инвентаризационной описи» ревизора Батаревича, первое поселение возле Славатыче называлось Нейбров и насчитывало в XVII веке 43 трубы (дома). Вторая голландская деревня была Нейдорф — это подтверждается хрониками, так как в 1617 году в Нейдорфе была возведена первая церковь.

В 1648 году бужские голендры перенесли тяжелый удар судьбы. После поражения польской армии в войне с казаками в 1648 году под Пилавце Нейдорф был разграблен и 70 поселенцев, примерно 50 %, были казнены на рыночной площади в Славатыче. В хрониках описываются казацкие войны 1647–1649 годов под руководством Богдана Хмельницкого и те несчастья, которые они принесли общинам:

«Церковь, дом пастора и архив сожжены, отсюда отсутствие письменных свидетельств.

Колокола украдены и переданы православной церкви, где они висели еще в 1724 году.

Оставшиеся в живых поселенцы не дали себя обмануть, вышли из лесов и предали смерти предателей-украинцев» (6, с. 541).

Главная вина в этом ложится на Рим и на послушного иезу-

итам короля Сигизмунда III (1587–1632), который проводил беспощадную политику подавления православных с помощью польских магнатов и насильственно насаждал католическую веру в православных областях.

Граф Красинский цитирует православного дворянина Литинского о том, что в Люблине католиками была закрыта последняя православная церковь: «Бог, конечно, наказывает всякое зло, он разбудит народ, который за одну церковь заберет 100» (5, с. 263). Так это и произошло, но, к сожалению, пострадали невинные протестанты в Нейдорфе. Натравленные украинцами казаки не отличали их от католиков, которые спаслись бегством. Это трагическое происшествие описал для нашего поколения Генрик Сенкевич в своем историческом романе «Огнем и мечом».

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В 1649 ГОДУ, ЖИЗНЬ МАТЕРИНСКОЙ КОЛОНИИ И НОВЫЕ ФАМИЛИИ

После этих трагических событий число поселенцев сократилось наполовину, наступило большое обнищание. В результате кровавой резни исчезли также некоторые фамилии первых поселенцев. Выживание материнской колонии было возможно только благодаря переселению сюда в 1649 году земляков из Грауденцкой низменности, а также помощи старых и новых землевладельцев.

В 1649–1650 годах и появилась большая часть современных немецких фамилий бужских голендров: Гильдебранд (Hildebrand), Гюнебург (Hüneburg), Баум (Baum), Щиппенбайль (Schippenbeil), Кребс (Krebs), Хольц (Holz), Бютов (Bütow). Наполовину польские, по Куну, только три фамилии: Брозка (Brzozka), Пастрик (Pastrik), Попко (Popko). Большинство имен поселенцев из 14 семей основателей селения, которые наверняка пали жертвами погромов, согласно хроникам, сохранились до сегодняшних дней: Зиллентин (Sillentin, Selent), Кунц (Kunz), Розин (Rosin), Рюль (Rüll).

Так как иезуиты и католические епископы на Синоде 1589 года в Гнезно настояли на запрещении нового строительства церквей и школ и католический епископ в Луцке Рупниевский, с резиденцией в Янове, строго контролировал выполнение этого закона, то строить новые церкви и школы было невозможно. Удалось предотвратить уничтожение евангелической общины с пастором Абрахамовичем только благодаря поддержке таких землевладельцев, как Владислав Лещинский, член нижней палаты Бреста, и его сын Андреас (письмо от 5 июля 1651 года из Баранова), капитан из Дубно, и позднее семья князя Радзивилла.

Для строительства церкви была разрешена вырубка леса, а для улучшения положения священника его участок был увеличен с 4 до 45 иох (1 иох = 0,575 га). Это подтверждало старые привилегии. Оригинал подтверждения выставлялся 18 октября 1670 года в Кузавке. Согласно сообщению от 1911 года, этот акт был в силе до 1908 года.

Насильственное введение католической веры в областях, заселенных православными, и создание уний, послушных Риму, провоцировало восстания казаков и убийство казаками бужских голендров на рыночной площади в Славатыче в 1648–1649 годах.

Выживание группы поселенцев было возможным только путем дальнейшего переселения из Грауденцской низменности (Вольц, Тушево) в 1648–1649 годах. Были семьи с сохранившимися до наших дней фамилиями, такими как Гильдебранд (Hildebrand), Гюнебург (Hüneburg), Баум (Baum), Хольц (Holz), Бютов (Bütow), Кунц (Kunz), Розин (Rosin), Рюль (Rüll), Лодвиг (Lodwig), Попко (Popko), Брозка (Brozka), Зелент (Selent), Пастрик (Pastryk).

Значительный факт идентичности этих фамилий — то, что они содержались еще в привилегиях Влодава от 3 июня 1617 года и при последующем переселении в 1649 году. Привилегия от 1617 года и полная хроника от 1776 года подтверждают происхождение имен и основание колонии Нейдорф-Нейбрух на Буге.

Сильная ассимиляция переселенцев в Пруссии произошла из-за их смешения с местным населением вследствие проводимой с 1743 года государственной колонизации. Эта колонизация позднее привела к внедрению верхненемецкого диалекта (литературного немецкого языка).

Нидерландские немецкие восточные поселения, которые так далеко вдавались на восток, были редким исключением уже в XVII веке. Альберт Брейер подтверждает мнение Гладыловича: «Имя голландец характерно для всех возникших в период между 1600–1800 годами новых немецких поселений без учета их экономического уклада, этнической принадлежности и правовой формы. Он сохраняет эту характеристику до прусской колонизации в 1772–1805 годах, когда было официально введено название „колонист“, которое заменило термин „переселенец“» (1, с. 125).

В. Кун называет бужских голендров «самыми своеобразными группами поселенцев немецкого происхождения в Польше, так называемыми „голландцами на Буге“. Хотя они и переняли польский язык, они остались особой группой, и воспоминание о немецких корнях у них еще не исчезло. То же самое характерно для бужских голендров на Вольни» (6, с. 538).

Бужские голендры — одна из немногих нидерландских пе-

№ 105621 -

университетская библиотека
им. Н.И. Мухоморова-Сибирского

реселенческих групп, так далеко продвинувшихся на восток в славянские области. В течение веков, до их обратного переселения в 1940 году, от смешения со славянами их спасали обособленный уклад жизни и экономики, а также особое религиозное положение как лютеран.

История материнской колонии и церкви Нейдорфбрух известна нам благодаря полной хронике 1776 года, которую написал пастор Абрахамович, а пастор Иоганнес Якобус Шайдемантель приобщил ее в виде древней рукописи на латинском языке к приложению к Синоду в Лиссе. Он называл эту хронику «очень примечательной».

Другим доказательством правильности изложенного В. Куном является найденная после смерти пастора Лодвиха Ледва

хроника Нейдорфа-Нейбруха на древненемецкой рукописи от 19 ноября 1882 года. Оригинал рукописи был найден после смерти Лодвиха священником Курзава после окончания служения Ледваса в Нейдорфе и его перевода пастором в Дзялдово (Działdowo). В заявлении свидетелей от 23 июля 1998 года говорится: проверка аутентичности рукописи и ее содержания с помощью экспертов по рукописям подтвердила, что эта хроника, вероятно, была составлена пастором Фрейером, который служил в Нейдорфе с 1855 по 1872 год.

Показательно для роли пастора Лодвиха, что он сознательно хранил этот важный документ и намеренно

Церковные печати бужских голендров

Нейдорф	Брестского уезда Гродненской губ.
Нейброф	„ „ „ „ „ „
Сайонка	Бельского уезда „ „ „ „ „ „
Заньков	„ „ „ „ „ „
Забужские Голендры	Ковельского уезда Волынской губернии
Свиразовские Голендры	„ „ „ „ „ „
Невир	Ковельского уезда Волынской губ.
Ирляндка	Брестского уезда
Новины	Ковельского уезда Волынской губ.
Земостече	„ „ „ „ „ „
Славятичи	„ „ „ „ „ „
Брест-Литовск	Брестского уезда

Названия поселений бужских голендров в русском архивном документе

скрывал его от общественности из чисто национально-польских мотивов.

Только из-за вмешательства иностранных держав, особенно России и Пруссии, и благодаря договору 1767 года был положен конец 250-летнему преследованию и уничтожению протестантов. Орден иезуитов был распущен в 1775 году, и были созданы основы для деятельности евангелической церкви.

Из-за третьего раздела Польши в 1795 году область поселения голендров на Буге стала русской территорией. Началась фаза стабилизации. Конкретным выражением стабилизации были русские церковные законы от 1832 и 1849 годов. Конституция 1832 года позволила появиться в России евангелическо-лютеранской церкви с генеральной консисторией в Санкт-Петербурге и оправдавшей себя кассой взаимопомощи. Все эти перемены пошли на пользу бужским голендрам в Нейдорфе-Нейбрухе и их дочерних колониях.

В документах снова встречается церковная печать, на которой было правильное название церкви — «евангелическо-лютеранская». Была также разрешена немецкая письменность, как это видно на печати. В период 1824–1890 годов возникли уже известные нам дочерние колонии.

В 1911–1915 годах из-за недостатка земель на Буге и большого количества детей перед Первой мировой войной происходит добровольное переселение голендров в Сибирь, где они до сегодняшнего дня сохранили свою сплоченность как этническая группа. Это подтвердила моя поездка в Сибирь в июне 2004 года, когда я нашел там обособленно живущую группу бужских голендров, у которых тот же самый уклад жизни и экономики, что и 100 лет назад на Буге. Переселенцы называли свои голландские деревни так же, как на Буге: Замоствече, Новины и Дагник.

Расположение

Изменение церковной печати при переименовании колонии Нейдорф-Нейбрух в Мосьцице

**Схема расположения колонии
Нейдорф-Нейбрух**

орла, надпись на печати была заменена на «евангелическо-аугсбургская».

Во время Второй мировой войны произошло переселение поселенцев в «Германский рейх» (1939–1940). Это было начало нарушения нацистским режимом сплоченности бужских голендров в Германии.

В 1945 году происходит побег их из Вартегау во Внутреннюю Германию, а последующее разделение страны на ФРГ и ГДР привело к дальнейшему растворению бужских голендров из-за смешения их с местным населением и другими беженцами.

Со времени воссо-

материнской колонии показано на прилагаемой карте К. Люка (8).

Из-за раздела Волыни по Рижскому договору 1921 года между Польшей и Россией бужские голендры снова попали под польское влияние. Началась сильнейшая фаза полонизации и влияния «польских евангелистов».

В 1928 году произошел акт дальнейшей полонизации: самовольное переименование материнской колонии Нейдорф-Нейбрух в Мосьцице (Mościce) тогдашним пастором Эвальдом Лодвихом, поляком по национальности, в честь президента Мосьцички (Mościcki). Этот пастор убрал из церковной печати крест и заменил его вскоре на польского

В историческом обществе «Волынь»

единения Германии в 1989–1990 годах здесь начали возрождаться традиции бужских голендров. Это происходит в рамках исторического общества «Волянь» и музея переселения волинских немцев в Линстове, которые проводят встречи с целью сохранения этих традиций для потомков и для нынешнего мира.

Переселение голладцев/бужских голендров проходило в три этапа. Фрагменты карты показывают области их переселений, остановок и дальнейшего движения.

Этап первый (1530–1560): путь на кораблях из северно-голландских портов Амстердама, Хорна, Энкуизена через пролив в Гданьск/гданьский осушенный участок.

Этап второй (1560–1564): дальнейшее переселение в Грауденцкую низменность и основание голландских деревень Нейдорф/Новавезь, Вольц, Туш/Тушево в окрестностях Грауденца.

Под номером 5 на карте на левом берегу Вислы указана голландская деревня Нейдорф/Новавезь. В Монтау в 1585 году была основана первая евангелическая церковь меннонитов и лютеран.

Этап третий (1617–1649): переселение на Буг в 1617 году и основание двойной деревни Нейдорф-Нейбрух у Бреста. Переселение из-за нападения казаков.

Фрагменты карт, отражающие переселение голландцев/бужских голендров

ЛИТЕРАТУРА

1. Breyer A. Die deutschen Holländiren im Gebiet von Mittelpolen und Wolhynien. — Volksfreundkalender, 1933.
2. Hennig M. Die evangelisch-lutherische Kirche in Polnisch-Wolhynien. — Leipzig, 1933.
3. Heuer R. Die Holänderdörfer in der Weichselniederung um Thorn // Mitteilungen des Copernicus-Vereins für Wissenschaft und Kunst. — Thorn, 1934.
4. Keyser E. Die Niederlande und das Weichselland // Deutsche Almanach Verein (Danzig, Leipzig). — 1937/1942. — Jahrgang 6.
5. Krasinsky V. Geschichte des Ursprungs, Fortschritts und Verfalls der Reformation in Polen und ihres Einflusses auf den politischen, sittlichen und literarischen Zustand des Landes. — Leipzig, 1841.
6. Kuhn W. Die Anfänge von Neudorf am Bug // Deutsche Monatshefte in Polen. — 1937/1938. — № 4.
7. Lück K. Deutsche Aufbaukräfte in der Entwicklung Polens. — Plauen, 1934.
8. Lück K. Deutsche Siedler zwischen Wieprz und Bug. — Posen, 1938.
9. Michalowski G., Jarmoszewicz T. Slawatycze. 1499–1999. — Slawatycze, 1999.
10. Schumacher B. Niederländische Ansiedlungen im Herzogtum Preußen zur Zeit Herzog Albrechts. 1525–1568. — Leipzig, 1903.
11. Unruh B. Kolonisations Berührungen zwischen den Mennoniten und den Siedlern anderer Konfessionen im Weichselgebiet und der Neumark // Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung. — Leipzig, 1937.

INHALTSAUSGABE

Eduard Bütow. Herkunft und Geschichte der Bugholländer.

Im gegebenen Artikel wird die Herkunft und Geschichte der Bug-Holländer behandelt. Der Autor ist selbst Bug-Holländer und belegt in seinem Buch «Bug-Holländer in Wolhynien-Spuren und Geschichte» mit historischen Dokumenten und Fakten die Herkunft der «Golendry» aus Nord-Holland. Die Gruppe lebte bis 1940 an den Ufern des Westlichen Bugs. Die Bug-Holländer sind die älteste deutsche Siedlergruppe, die sich 1617 am weitesten im Osten, am Bug angesiedelt haben. Die Golendry in Sibirien stellen einen Teil dieser Gruppe dar.

ГОЛЕНДРЫ: ЭТИМОЛОГИЯ ТЕРМИНА И ПОНЯТИЯ

*Болеслав Сергеевич Шостакович,
доктор исторических наук, профессор
Иркутского государственного университета*

Длительное время в послевоенный советский период к национальной специфике населения Сибири, за исключением так называемых коренных местных народов, не проявлялось серьезного внимания исследователей. Во многом это происходило в связи с установками тогдашней марксистской идеологии. Она, как известно, утверждала в официальном обиходе той поры лозунговый стереотип интернациональной однородности граждан великой Страны Советов: «все мы — советские люди». Между прочим, любопытно заметить, что ныне, в постсоветский период, та же самая идеология в пропаганде местных национал-шовинистов оказалась трансформирована в некую диаметрально противоположную: эти новоявленные «теоретики» без обиняков утверждают, будто бы население Сибири априорно составляет единое целое, которое ими нередко даже определяется как якобы «православное, славянское, русское». Все вышеуказанное в особенности касается малых национально-культурных групп в регионе.

Именно в силу отмеченного после того, как в начале 1990-х годов получил общественную огласку факт существования в Заларинском районе Иркутской области компактного поселения малой группы так называемых **голендров** (1), он произвел впечатление в некотором смысле «сенсации местного значения». К нему начали проявлять повышенный интерес и внимание краеведы, исследователи-этнологи и культурологи, средства массовой информации. Встречающиеся с этим феноменом в первую очередь обращали внимание на стоящую за ним загадочную, до тех пор неизвестную на местном уровне «некую этничность» и пытались, каждый на свой лад, прояснить и интерпретировать ее сущность. На взгляд автора данных строк, весьма показательным и характерным примером в этом отношении является цикл статей историка-исследователя Н.Г. Галеткиной, опубликованных в 1996–1997 годах (2). К частично-

му анализу их контекста мы еще вернемся ниже, по ходу данного изложения.

Действительно, в словарях и энциклопедиях на русском языке термин «голендры» не встречается. Не фигурирует он и в повседневном российском менталитете. Между тем то, что выглядит столь загадочным и непонятным в обиходной отечественной практике, оказывается вполне объяснимым и, более того, достаточно известным в контексте истории позднесредневековой польской государственности (Речи Посполитой). Материалом по указанной тематике владеют историки (в том числе и отечественные), специализирующиеся в научной области полонистики.

Автор данной публикации, также полонист по одной из своих специальностей, далее предлагает краткий комментарий к рассматриваемому термину в исторической его эволюции.

В своей изначальной, оригинальной польской форме произношения данный **термин** выглядит как «**олендры** (точнее: **олэнджи**)», и **означает он одну из социальных категорий польского крестьянства**, исторически сложившихся в эпоху позднего средневековья.

Этимология данного термина связана с переселенцами-колонистами, происходившими из Северной Германии, Голландии и Фрисландии. Последняя является исторической областью у берегов Северного моря, заселенной особой народностью — фризами, и ныне составляет одну из провинций Голландии и часть земли Нижняя Саксония в Германии. Выходцы из указанных регионов хорошо владели приемами мелиорации, что нашло успешное применение в освоении низменных и заболоченных земель на восточном польском побережье Балтики (Поморье), в устье и по долинам рек Висла, Ногат (рукав Вислы), а позднее — Варта и Нотеца. Территория так называемых Вислинских Жулав, первоначально малодоступная из-за отмеченных выше своих природных особенностей, постепенно осушалась и превращалась в зону высокоплодородных земель. На это влияло их расположение в обширной дельте Вислы, куда река наносила ил, богатый органикой, ценной для возделывания сельскохозяйственных культур. Освоение указанного региона началось еще при крестоносцах в конце XIII века и продолжалось в последующие столетия. Известный польский историк, профессор Ю.-А. Геровский, один из авторов трехтомника «История Польши», указывает: «Собственно на XVI век приходится начало колонизации олендров (в польском оригинале буквально: «олендерской колонизации». — *Б. Ш.*) на Гданьских Жулавах, хотя и возникшей по инициативе

эмигрантов из Нидерландов, но продолжавшейся по их примеру и местными поселенцами в бассейне Вислы и в северной части Великой Польши» (3). На Жулавы «олендров» призвали жители города Гданьска в середине XVI века. В XVII веке многочисленные «олендерские» поселения появились в целом ряде польских областей: Гданьском Поморье, Хэлминьской земле, Вармии (с городами Мальборк и Эльблонг) — вместе составлявшими так называемую Королевскую Пруссию (со столицей в городе, на славянский лад именуемом Крулевцем, на немецкий — Кёнигсбергом), находившуюся в ленной зависимости от Польши с 1466 по 1657 год. Сюда также относились Куявы и Великая Польша. В последней из упомянутых исторических частей Польши колонии «олендров» в названную пору развивались особенно интенсивно. В XVIII веке они возникли в Мазовии и в некоторых частях Малой Польши.

Нет ничего удивительного в том, что поселения колонистов, применявших, как сказали бы мы нынче, мелиорационные технологии «олендров», стали также проникать и на так называемые по-польски «крэсы», т. е. в регионы, находившиеся за рубежами собственно Польши, но входившие в состав Речи Посполитой (образованной в результате Люблинской унии Королевства Польского с Великим княжеством Литовским в 1569 году), в том числе — в Белоруссию и Украину.

За всеми колонистами-переселенцами закрепилось название «голендры» (в оригинальном польском написании оно трансформировалось в «олендры»), поскольку многие из них происходили от выходцев из Голландии (по-польски буквально: «holendrzy» [холенджы] — «холендры» — означает «голландцы»). Указанная группа постепенно сливалась с аналогичными же переселенцами-немцами и подобными же им колонистами-поляками из других частей Польши, формируя отдельную прослойку польского общества, за которой в польской языковой практике и укоренилось традиционное название — «олендры».

Олендрами в средневековой Польше стала именоваться социальная прослойка крестьянства, имевшая особый социально-правовой статус, отличавший ее от всех иных подобных. К олендрам принадлежали жители поселений, так называемые чиншевики, т. е. крестьяне, уплачивавшие в пользу своих господ-землевладельцев чинши (денежные и продуктовые оброки), но свободные от несения барщинных повинностей. Они пользовались большими свободами и правами, не жели крепостные крестьяне. В обиходе считалось даже, что эти поселенцы «вольные», лично свободные, однако их «воль-

ность» на практике осложнялась многими ограничениями. В целом же чиншевики-олендры были заинтересованы в увеличении доходности своих хозяйств, поэтому стремились сделать свой труд более продуктивным. Как правило, олендры в ведении хозяйственной деятельности отличались более высоким уровнем земледельческой культуры, чем это было свойственно остальной крестьянской среде в сельскохозяйственных регионах Польши. В свою очередь, и феодалам чиншевые взносы приносили хотя и не всегда значительный, но зато стабильный доход.

Немаловажно принять во внимание также и то обстоятельство, что олендры сохранили связь с духовной традицией северо-западной Европы, откуда происходили предки многих из них. В конфессиональном отношении они были приверженцами протестантизма. Вполне очевидно, что это, наряду с определенным германским культурным воздействием на олендров, являлось следствием непосредственной близости расположения главного региона формирования данной социальной группы — Гданьского Поморья — к самому городу Гданьску (Данцигу). Как известно, это был крупнейший экономический, политико-стратегический и культурно-духовный центр Польского Поморья со смешанным, немецким и польским населением. Богатая и влиятельная немецкая, протестантская среда гданьчан со середины XVI века заметно упрочила свое положение в прибалтийском польском регионе.

Таким образом, термин «олéндыры» (голéндыры) происходит от лексемы, означающей в польском языке этноним «голландцы». В процессе исторического развития польского общества и государственности это слово трансформировалось в обозначение по-польски особого социального слоя крестьянства и приобрело новое терминологическое содержание, отличное от исходного.

А теперь вернемся к современным олендрам, проживающим ныне в нескольких соседних селах на территории Заларинского района Иркутской области. Им посвящен цикл уже упомянутых статей Н.Г. Галеткиной. К сожалению, вся историческая эволюция данной конкретной группы представлена автором как некая якобы только к этой группе относящаяся ее непосредственная, «частная» история — вне корреляции таковой с общим процессом генезиса социальной среды польских олендров. В связи с подобным подходом к изучаемой теме автор высказывает в своих работах «несколько версий происхождения» «этой группы» (4) (т. е., соответственно толкованию

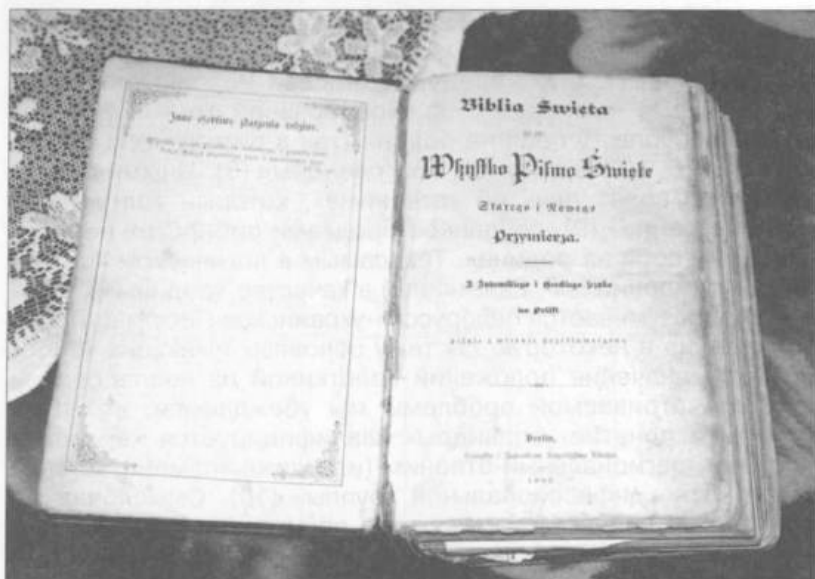
Н.Г. Галеткиной, — именно данной конкретной группы сибирских переселенцев. — *Б. Ш.*) Можно заметить, что большинство изложенных Н.Г. Галеткиной версий сами по себе могут рассматриваться как вполне приемлемые, однако же при том непеременимом условии, что расценивать их следует как определение уже изложенных ранее в нынешней статье основных исторических путей, по которым шел в целом процесс формирования всего социального слоя польских олендров.

В ряду гипотез Н.Г. Галеткиной лишь одна — априори нелогична. В ней высказано предположение, что «голландские лютеране» могли перебираться в Польшу «из-за религиозных притеснений» на своей родине. Впрочем, озадачивает и утверждение автора об украинизации группы «голендров» после перемещения их в ходе колонизационного процесса (в начале XVII века) в бассейн реки Буг, в непосредственной близости от города Брест (на территории общим расстоянием в 150–200 километров) (5). Это вызывает неизбежный вопрос, каким образом такое могло произойти на территории, которую, как общеизвестно, населяют в подавляющем большинстве этнические белорусы и поляки?

К сожалению, Н.Г. Галеткина не воспользовалась объективной, давно известной в среде специалистов информацией, которая вполне доказательно проливает свет на процесс возникновения социокультурного феномена голендров и представлена в научной литературе по истории Польши. Как выясняется из позднейших ее же работ, развивающих тот же самый сюжет (после публикации материалов доклада этого автора по рассматриваемой теме на научной конференции, проходившей в Иркутске в 1996 году), Н.Г. Галеткина опирается в данной тематике на работы одного немецкого исследователя регионального аспекта истории группы колонистов-голендров, локализованных в компактных поселениях на Волыни (6). Собственно, немецкий историк и оперирует условным наименованием указанной группы — «бужские голендры», а Н.Г. Галеткина в своем воссоздании исторического генезиса сибирских голендров следует за разработками данного автора, а также некоторых его коллег, иных немецких историков. Практически все публикации Галеткиной по теме «голендров» повторяют и варьируют одни и те же заимствованные у немецких исследователей «версии» их происхождения. Любопытно, что при всем этом сама она отстаивает точку зрения, будто «ни одна из них (версий. — *Б. Ш.*) не может до сих пор считаться доказанной» (7).

В одной из статей Н.Г. Галеткина определяет объект своих исследований как прибывших из Волынской и Гродненской губерний (т. е. из пределов бывшей Российской империи. — *Б. Ш.*) «выходцев» «из своеобразной этноконфессиональной группы, у себя на родине (так в цитируемом тексте статьи. — *Б. Ш.*) известной как *голендры*» (8). Иными словами, автор ведет речь об «этнониме», который толкует как «самоназвание» (9), созданное предками сибирских переселенцев «у себя на родине». Тем самым в логическом контексте рассуждений Н.Г. Галеткиной в качестве «родины» голендров подразумевается белорусско-украинское Побужье. После приведения в некоторую систему основных имеющих теоретическое значение положений Галеткиной из исследований ею рассматриваемой проблемы мы убеждаемся, что в ее трактовке понятие «голендры» квалифицируется как некий местный, региональный этноним (или даже «самоназвание») некой «этноконфессиональной группы» (10). Смысловая же этимология данного термина в ее понимании, по собственному ее же утверждению, так до сих пор и остается «недостаточно выясненной».

Нам представляется, что как исследователь Галеткина демонстрирует несомненные оригинальные и содержательные достоинства своих разработок «сибирско-иркутского», краеведного аспекта многосложных перипетий в исторической судьбе «голендров». В разделах же, относящихся ко всей предшествующей, изначальной истории «голендров», автор, к сожалению, оказывается в постоянном плену излишне одностороннего и поверхностного видения темы глазами немецких своих предшественников по научному ее изучению. В результате исследователь попадает в своеобразный логический тупик. Она как бы не замечает (не хотелось бы утверждать, что сознательно игнорирует) ту буквально бросающуюся в глаза **непреложную истину, что данная социокультурная группа голендров сформировалась в специфичных исторических условиях позднесредневековой Польши.** Между прочим, на последнее обстоятельство как раз указывает (и вполне недвусмысленно!) само название данной группы. Бесспорно ведь, что термин «голендры» родился именно в польской языковой среде, а не в какой-либо иной, и что он изначально обозначал известные исторические реалии социальной жизни непосредственно польского региона. Этот непреложный факт давно уже стал достоянием специальной исторической литературы.

Библия на польском языке, изданная в 1902 г. в Берлине. Принадлежит А.М. Гильдебрант. Фото Ю. Лыхина, 2004 г.

Тем не менее автор упорно трактует голендров исключительно как немцев по их исходной этнической принадлежности, усердно прослеживает судьбы некоторых из них в современной Германии и обнаруживает, что они не вполне тождественны тамошним аутентичным немцам. Но, в свою очередь, зададимся вопросом, разве могло быть иначе? И совершенно закономерно встает еще один вопрос: почему автор не стремится аналогичным образом проследить эволюцию голендров в современной Польше, а также не пытается установить, что известно о них же в настоящее время в Нидерландах? Что же до группы сибирских переселенцев из среды «голендров», то высказывать суждения о непосредственной генеалогии проживающей в иркутском регионе группы в отсутствие в распоряжении исследователей каких-либо более точных, конкретных данных по указанному вопросу совершенно лишено научного смысла.

Таким образом, Н.Г. Галеткина, не вполне ясно представляя себе этимологию самого термина «голендры», задается риторическим вопросом: «почему мы постоянно называем эту группу [бужскими] голендрами, а не [бужскими] голландца-

ми?» (прямые скобки проставлены мною. — *Б. Ш.*). И ответ, предлагаемый ею же, чрезвычайно характерен и показателен. «Потому, что именно в такой транскрипции — голендры, олендры — оно осталось в памяти пихтинцев (имеются в виду рассматриваемые в статье современные жители сибирских деревень Пихтинск и Средний Пихтинск. — *Б. Ш.*), — утверждает Н.Г. Галеткина, — для которых уже не существует никакой связи между этим словом и Голландией» (11). Цитируемое заключение названного местного исследователя истории приангарских голендров выглядит в свете изложенной в нынешней статье этимологии термина «олендры» как минимум крайне наивным и нелогичным. К тому же оно еще и вводит в заблуждение общественность: будто бы термин «олендры» (в действительности объективно сложившийся и утвердившийся на польском «перекрестке» средневековой истории Центрально-Восточной Европы) представляется возможным реконструировать... всего лишь на основе «исторической памяти» современного населения трех сибирских переселенческих деревень дореволюционной эпохи!

Между тем, как видно из приводимого в анализируемых публикациях Н.Г. Галеткиной материала ее же собственных обследований контингента пихтинских переселенцев, предки жителей этих деревень еще задолго до добровольного их перемещения в Сибирь уже испытали немало метаморфоз, проникнув из польских в белорусско-украинские регионы. Немудрено было этим крестьянам, занесенным в далекую сибирскую глубинку благодаря старшему поколению своих родственников, захваченных переселенческой волной столыпинской аграрной реформы начала XX века, «запутаться» в дебрях происхождения — и своего личного, и своих ближайших сородичей-земляков. Ведь все перипетии такого транслируются ими лишь по памяти и по устным рассказам; письменной истории своих родов ими, конечно же, не ведется. Наиболее отличительным и объединяющим всю эту группу потомков переселенцев оказывается их название — голендры, сохранившееся и оставшееся неизменным и по сей день. Об этом убедительно свидетельствуют данные исследования Н.Г. Галеткиной. Однако в среде сибирских голендров исходный смысл самого этого названия постепенно и достаточно давно стал размываться. В наши дни он во многом уже утрачен. Поэтому в повседневном обиходе они сами толкуют его весьма произвольно, создавая новое мифотворчество чисто субъективного характера. Про-

*Иван Зигмунтович Зелент.
Фото А. Бызова, 1990-е гг.*

веденные Н.Г. Галеткиной наблюдения за эволюцией смыслового наполнения термина «олендры-голендры» в новейший период его использования сибирскими переселенцами — весьма важны. По своему конкретно-прикладному, фактическому содержанию информационная сводка (хотя бы и выборочная, краткая) источниковых данных, зафиксированных полевыми этнологическими опросами в среде пихтинских голендров, очень ценна в социокультурном отношении.

Конечно же, попытки соотнесения самого термина «голендры» с какой-либо конкретной национальной принадлежностью его носителей (12) в научном отношении нельзя расценить иначе, как курьез-

ные. Едва ли, скажем мы, нужно выяснять, какова этничность состава социокультурной группы, которая еще в начале XX века во многих поколениях сохраняла связь с историческим польским геополитическим и культурным пространством, хотя исторически складывалась она из смешанного национального состава (13), а иногда волей обстоятельств ее представители оказывались под иностранным подданством (14). Ситуация такого рода — достаточно естественна для большинства стран и регионов мира, включая и Польшу. А уж для Сибири, население которой, как известно, в своем большинстве составляет переселенческое общество, подобная модель необычна лишь на первый взгляд. В определенном же смысле слова она может быть признана характерным типологическим примером формирования населения региона в эпоху осуществления в Российской империи переселенческой политики.

Подводя итог всему сказанному в данной статье, необходимо признать, что затронутая в ней тема представляет несомненный прикладной интерес в региональном краеведе-

нии. В силу своей специфики она закономерно тесно сопрягается также и с междисциплинарными аспектами зарубежной, европейской истории. Очевидно, что ее специальное, систематизированное изучение и освещение специалистами соответствующих научных направлений должно быть продолжено.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Начало обращения иркутской общественности к этой теме связано с приглашением Польской культурной автономии (ПКА) «Огниво» (в то время еще Польского культурно-просветительного общества /ПКПО/ «Огниво») краеведческим музеем пос. Залари (его директором Г.Н. Макогон) на этнографический праздник местной группы голендров (декабрь 1994 г.). Группа активистов «Огнива», в том числе профессор Е.Э. Вржач (нынешний президент ПКА), вступила в прямой контакт с жителями Пихтинска. Именно «Огниво» и явилось инициатором первого посещения сибирских голендров настоятелем Иркутского римско-католического костела, о. Игнацы Павлусем, установления над ними его же последующей духовной опеки. Информация об изложенных фактах распространилась через СМИ — не только региональные, но и общероссийские и зарубежные, в частности польские. Появилась даже корреспонденция по этому поводу в выходившем в Париже и известном своим оппозиционно-эмигрантским направлением польском журнале «Культура».

Впоследствии о. Игнацы рассказал автору данной статьи, что из бесед с пихтинцами и знакомства с хранящимися у них богослужебными книгами он установил принадлежность сибирских голендров к протестантскому, а не католическому вероисповеданию, как они сами начали ошибочно полагать за длительное время своего вынужденного отрыва от религиозной практики. Несмотря на это обстоятельство, католический священнослужитель И. Павлусь принял близко к сердцу духовные нужды этой группы сибиряков-голендров в отсутствие в Иркутском регионе оформленного центра протестантской конфессии. До сих пор он самоотверженно несет миссию христианской, религиозной их поддержки.

В свою очередь, Е.Э. Вржач засвидетельствовал привлекающую его внимание (от себя заметим — чрезвычайно красноречивую для социокультурного исторического анализа дан-

ной группы) деталь из религиозного наследия пихтинцев. В их среде сохранилась старопечатная библия, текст которой набран готическим латинским шрифтом, но не по-немецки и не по-голландски, как легко было бы предположить, а на польском языке.

2. Галеткина Н.Г. Бужские голлендры: в поисках утраченной идентичности // Восток и Россия: Взгляд из Сибири. Материалы и тез. докл. к науч.-практ. конф. — Иркутск, 1996. — С. 370–374; Она же. Бужские голлендры в Сибири и Германии // Земля Иркутская. — 1997. — № 7. — С. 45–56; Она же. Бужские голлендры: в поисках идентичности // Вестник Евразии. — 1998. — № 1–2 (4–5). — С. 55–75.

Параллельно с исследовательскими разработками данной темы появились и разнообразные журналистские публикации в местной прессе, перелагающие те же сюжеты в популярной форме в нескончаемых вариантах (см. в качестве примера: Баранова Л. Голлендры-лютеране почти обрутели в Сибири // Сибирь — территория согласия: Сборник опубликованных журналистских материалов. — 2003. — № 1. — С. 19–23).

3. Gierowski Józef Andrzej. Historia Polski. 1505–1764. — Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. — S. 28.

4. См.: Галеткина Н.Г. Бужские голлендры: в поисках утраченной идентичности. — С. 370.

5. Там же.

6. См.: Галеткина Н. Бужские голлендры: в поисках идентичности. — С. 56–57.

7. Там же. — С. 56.

8. Там же. — С. 55.

9. Там же. — С. 56.

10. В процессе своих изысканий автор пытается применить к данной группе понятие «этническая общность». Однако, по собственному признанию, ее останавливает то, что «констатация каждого из признаков» данного определения «должна сопровождаться оговорками» (Галеткина Н. Бужские голлендры: в поисках идентичности. — С. 61).

11. Галеткина Н.Г. Бужские голлендры: в поисках утраченной идентичности. — С. 371–372.

12. См., например: там же. — С. 372–373.

13. Тот факт, что даже современным сибирским голлендрам не чужда память об их «исторических корнях», ведущих в Польшу, в том числе и владение польским языком, под-

тверждают, в частности, устные воспоминания Ивана Зигмунтовича Зелента — уроженца Пихтинска, известного общественного и политического деятеля, бывшего председателя Законодательного собрания Иркутской области. Автору этих строк он рассказывал об интересе его отца к жизни в послевоенной Польше, о том, что он выписывал и читал главную в социалистический период польскую газету — «Трыбуна Люду».

14. Вспомним, что территория бывшей Речи Посполитой была разделена между тремя ее противниками — Королевством Пруссия, Австрийской империей и Российской империей.

При подготовке данной статьи привлекалась также следующая специальная литература:

Słownik historii Polski. Wyd. IV. — Warszawa: Wiedza Powszechna, 1964. — S. 218 («Olędrzy»), 285 («Prusy Królewskie»; «Prusy Książęce»), 453 («Żitawy Wiślane»).

Słownik historii Polski. Wyd. VI. — Warszawa: Wiedza Powszechna, 1973. — S. 287 («Olędrzy»), 380–381 («Prusy Królewskie»; «Prusy Książęce»), 595 («Żitawy Wiślane»).

История Польши. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. I. — С. 300–302.

Польша на путях развития и утверждения капитализма. — М.: Наука, 1984. — С. 61–62.

INHALTSAUSGABE

Boleslaw Schostakowitsch. Holendry: Ätymologie des Begriffes und des Fachausdruckes.

Irkutsker Professor, Historiker-Polonist, ist der Meinung, daß die Ätymologie des Fachausdruckes «Holendry» mit den Übersiedlern-Kolonisten verbunden ist, die aus Norddeutschland, Holland, und Frießland stammten. Der Fachausdruck entstand aus der Lexeme, die in der polnischen Sprache Ätnonym «Holländer» bezeichnete. Dieses Wort bekam einen neuen terminologischen Inhalt im Prozeß der historischen Entwicklung der polnischen Gesellschaft und des Staatswesens und transformierte sich in die Bezeichnung einer besonderen sozialen Schicht des polnischen Bauerntums.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ В ОТВЕТ НА КРИТИКУ

*Наталья Геннадьевна Галеткина,
историк, собственный корреспондент
российской католической газеты
«Свет Евангелия»,
г. Иркутск*

Хотелось бы поблагодарить профессора Б.С. Шостаковича за столь пристальное внимание к скромным результатам моего исследования. Хотя не скрою — мне показалось несколько странным то обстоятельство, что половина объема его статьи, заявленной как этимология термина и понятия «голендры», посвящена критическому разбору работ, в центре которых стоят иные научные проблемы. Расхождение задач наших исследований делает подобную критику не вполне адекватной. Кроме того, в ней содержатся моменты, которые неверно отображают содержание статей, критикуемых уважаемым профессором.

Так, он пишет, что «в ряду гипотез Н.Г. Галеткиной лишь одна — априори нелогична». Однако ни о каких «своих гипотезах» происхождения рассматриваемой группы я речи не введу, а лишь упоминаю несколько версий, встречающихся в научной литературе (1). Оценка этих версий вовсе не входила в мои задачи, поскольку меня интересовали не вопросы происхождения и ранней истории группы «голендров/олендров» вообще, а проблема групповой идентичности современных ее представителей, живущих ныне в Сибири и в Германии. Как они воспринимают те или иные приписываемые им определения, как идентифицируют себя — именно это находилось в центре моего исследования. Поэтому мне не кажется, что корреляция «частной» истории сибирских поселенцев «с общим процессом генезиса социальной среды польских „олендров“», в отсутствие которой упрекает меня профессор Шостакович, должна была обязательно присутствовать в этих статьях.

Не высказываю я и «утверждения об украинизации группы», а лишь констатирую факт использования в повседневно-

ном общении ее представителей языка, близкого к украинскому. Но если уж говорить о преобладающем этническом окружении рассматриваемых голендрских поселений, то и здесь профессор Шостакович не совсем точен. Речь ведь идет не только о тех поселениях, что были расположены вблизи Бреста, но и о тех, что находились на территории Волыни, где, как известно, в большом количестве проживали и этнические украинцы.

Совершенно неверно утверждение Б.С. Шостаковича, будто бы я «упорно трактую „голендров“ исключительно как немцев по их исходной этнической принадлежности» (подчеркнуто мною). Это неверно в принципе, так как я вообще не приписываю им никакой изначальной, раз и навсегда данной, исходной этнической принадлежности, а говорю о ситуативной этнической идентичности. Я описываю реальный наблюдаемый феномен, когда часть исследуемого сообщества, проживающая в Германии, определяет себя сегодня в этнических категориях как немцев. Это — их точка зрения, их взгляд на самих себя, их этническая идентичность. Свою задачу как исследователя я вижу вовсе не в том, чтобы сказать, «правильно ли они считают» и какова же их «подлинная этническая принадлежность». В том, что таковая всегда существует как «непреложный факт», я вообще сильно сомневаюсь. Описывая их «немецкую идентичность», я говорю о ситуативности в процессе самоидентификации, которая прослеживается на примере этой общности.

Спор о той или иной изначальной этнической принадлежности могут вести между собой исследователи, которые разделяют подход, ставящий знак равенства между этнической идентичностью, этнической принадлежностью и происхождением. Я же к их числу себя не отношу, считая, что главным свойством понятия групповой идентичности является субъективное по сути самовосприятие членов этой группы, которое выражается в самооценках и самоопределениях. Лишь в этом смысле мы можем говорить о немецкой ли, польской ли, голландской и прочих составляющих групповой идентичности современных голендров, поскольку именно они сами так или иначе себя определяют.

Теперь что касается подхода к пониманию понятия «голендры/олендры». Думается, что смысловое содержание этнонима, как и более широкого понятия групповой идентичности, не является раз и навсегда зафиксированным. Часто происходит

так, что члены некоего сообщества на определенном временном отрезке и в определенном социальном контексте вновь и вновь конструируют для себя это содержание. Именно это, как мне кажется, происходило и происходит с группой «голендров». Поэтому стремление проанализировать, как некие «общепринятые термины» понимаются конкретными людьми, которым этот термин приписывается, вовсе не означает научной наивности и несостоятельности. Такая попытка не лучше и не хуже стремления описать понятие в категориях, принятых в узком кругу специалистов. Это — лишь две, независимые друг от друга, попытки открыть разные области смыслов, вкладываемых в одно понятие.

В данном случае речь идет о «голендрах» как о термине, принятом в кругу историков-полонистов, с одной стороны, и о слове, используемом как самоназвание представителями социальной группы, — с другой. И это — разные области функционирования одного и того же слова, разные семантические поля, стоящие за ним.

Статья Б.С. Шостаковича особенно интересна и полезна для понимания реалий позднесредневековой Польши. Но что дает разъяснение термина «голендры» как одной из социальных категорий польского крестьянства для понимания сегодняшней групповой идентичности жителей Пихтинска и их родственников, живущих в Германии? Ссылку на правовые привилегии и социально-экономические условия, которые давно не существуют? Указание на польское этническое происхождение? Но ведь сам профессор Шостакович говорит об этнической разнородности группы голендров, упоминая и голландцев, и немецких переселенцев, и поляков-колонистов, участвовавших в ее формировании. Следовало бы также сказать и о конфессиональной разнородности, если вспомнить, что среди тех, кого называли «олендры», были и менониты (2).

Выражая благодарность профессору Шостаковичу за четкое изложение этимологии термина «голендры/олендры», я не могу, однако, согласиться с игнорированием других областей смысла, стоящих за этим словом, так же как с игнорированием иной логики научного исследования. Его статья наглядно иллюстрирует лишь один из подходов, имеющих сегодня в социальных науках. Этот подход признает существование некоего объективного знания, полностью соответствующего реальности. Раскрытие и объяснение этой «непреложной исти-

ны» и считается в данном случае подлинной наукой. В качестве таких истин могут быть представлены теоретические конструкции, которым придается не инструментальный, а абсолютный характер. В число «непреложных истин» может, к примеру, входить и представление о врожденной и наследственной этнической принадлежности. Однако, как мы уже сказали, это — лишь один из научных подходов и кроме него есть множество других.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В настоящем журнале публикуются статьи Х. Хольца и Э. Бютова, где эти версии представлены довольно подробно.

2. См., например: Marchleski W. Mennonici w Polsce (o powstaniu społeczności mennonitów Wymysła Nowego) // Etnografia Polska. — 1986. — Т. XXX. — З. 2. — S. 129–146. Известный польский историк профессор Генрик Самсонович также считает, что «значительная часть олендров была меннонитского вероисповедания». См. его интервью в «Gazeta Wyborcza» за 2002 г. — <http://webarch.gazeta.pl/info/elementy>

3. Небольшую поправку хотелось бы внести в примечание 1 к статье Б.С. Шостаковича. Если под иркутской общественностью понимать только лишь членов ПКА «Огниво», тогда еще можно датировать начало обращения этой общественности к данной теме посещением Е.Э. Вржащем «праздника землячества» в декабре 1994 г. Вопросы же лютеранского вероисповедания и бытования в Пихтинске старых религиозных книг, напечатанных готическим шрифтом на польском языке, уже активно обсуждались накануне самого праздника. См. расшифровки бесед с выходцами из Пихтинска, сделанные мною в ноябре 1994 г. и переданные Заларинскому краеведческому музею.

INHALTSAUSGABE

Natalia Galetkina. Einige Bemerkungen als Antwort auf die Kritik.

Es ist eine Antwort auf die Kritik, die ein Artikel von B. Schostakowitsch besaß, anlässlich einiger Thesen von N. Galetkina in einer Reihe ihrer Veröffentlichungen. Der Verfasser erklärt, daß sie sich nicht für die Herkunft und frühere Geschichte der Bug-Holländer im allgemeinen interessiert, nicht für die ethnische Angehörigkeit, aber für die Gruppen-Identität ihrer heutigen Vertretern, die zur Zeit in Sibirien und in Deutschland leben.

ТРАДИЦИЯ ПАСХИ В ПИХТИНСКЕ

*Галина Николаевна
Макогон,
директор
Заларинского
краеведческого
музея*

*Елена Владимировна
Людвиг,
директор Пихтинского
дома досуга*

*Наталья Ивановна
Людвиг,
руководитель
исторического
кружка Пихтинс-
кого дома досуга*

Заларинский район Иркутской области

Праздник Великой Пасхи сумел выжить сквозь века, несмотря на многие идеологические веяния в разные времена. Грандиозен праздник души в эти дни, даже неверующие испытывают благоговение перед духовностью пасхальных традиций. Вместе с исповедью и очищением души от грехов человек обращается с молитвой к Богу. Письмом к Богу, обращением человека к нему через рисунок называют роспись пасхальных яиц. Яйцеписание хранит в себе трепет верующей души перед общением с небом, глубинное желание человека сопроводить свои религиозные чувства, затаившиеся в донных глубинах колодца человеческой души, прежде всего красотой.

Пасха деревенская и городская. Пасха начала и конца XX века. Пасха южных и северных областей нашей страны. Суть везде одна, а время, место, условия среды наносят свой отпечаток на своеобразие той самой пасхальной красоты. Для нашего Пихтинска также характерны особенности, ин-

дивидуальность в некоторых моментах Пасхи. Особенно это чувствуешь, сравнивая Великий праздник в Пихтинске с Пасхой в селе Залари и других населенных пунктах района и области. Предлагаем читателю познакомиться с пихтинской Пасхой.

Как и всюду, преддверием к Пасхе является Вербная неделя («Вербабная нидиля»). В весенний пробуждающийся лес, а он прямо за домами Пихтинска, отправляются дети. В этих прибрежных местах по реке Тагна, напоминающих историческую родину на Волыни, вербы очень много: она всюду здесь. Причастившись к природе, юные пихтинцы рано утром, пока еще все спят, ходят по домам. В первую очередь идут, конечно, в дома родных и близких, куда они вхожи настолько, чтобы пройти в дом к спящему и побить его легонько вербной веточкой, приговаривая: «Вербабна нидиля за тыждынь велик дын; будьте здоровы як взрба, найбыстрийшие як вуда, умывайтысь мулучком, уптырайтысь рушником, умывайтысе вудою, утырайтысе шматою». За то, что дети «вырбабныли», их наделали конфетами, стряпней, деньгами, яйцами.

С явлением первых букетов вербы из леса приходило ощущение большого праздника. Люди одолели долгую холодную сибирскую зиму; наконец приходит первое солнечное тепло, все пробуждается. Оживает душа в ожидании чуда.

Вербное воскресенье являлось стартом для пасхальных хлопот. К предстоящей Пасхе начинали готовить дом, семью, себя. Если заглянуть за день-два до праздника в любой пихтинский дом, то везде можно попасть в разгар подготовки: кто белит, кто стирает, кто стряпает, кто расписывает яйца. Торопились успеть. Все трудовые процессы накануне — ожидание праздника, и это чувство едва ли слабее радости во время самого праздника.

Один из светлых моментов ощущения праздничного настроения и у детей, и у взрослых — расписывание яиц. Их заранее собирают в большую «партию», не используют для приготовления пищи, караулят куриц, а если нет дома несушек, спешат сговориться с соседями или родными, чтобы никто не опередил, не забрал излишки яиц. Далее свершается действие в доме по их оформлению, расписыванию, несколько отличающееся от традиций прочих сибирских сел. У пихтинцев существует своя интересная технология расписывания яиц. В домах имеются специальные баночки с воском, которые во время процесса росписи стоят на медленном огне

Вид снизу

Вид сбоку

Вид снизу

Вид сбоку

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

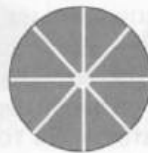

Рис. 4

Рис. 5

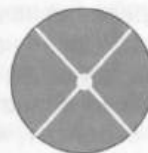

Рис. 6

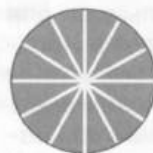

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Узоры пихтинских пасхальных яиц

печки или плиты. Яйца расписывают сырыми, специальным «писаком» — деревянной палочкой с металлическим нако-
нечником. Раньше для этого использовали металлические
кончики шнурков от ботинок. Толщина кончика писака —
ширина наносимой линии в узоре — составляет один-два
миллиметра.

Как в любом трудовом процессе, требующем серьезного
подхода, не всякий справится с писаком. Проблема не в на-
несении воска на яйцо — проблема в нанесении сразу, без
черновиков, воскового узора. Тут требуются твердая рука,
точность, отработанность движений. Узоры не примитивные,
произвольные, они также имеют свои особенности, направ-
ленность. Если в православной традиции в раскрашивании
яйца значение уделяется рисунку символа, оберега (роза —
любовь, дубовый лист — здоровье, звезды — мечтательность,
познание космоса и т. п.), то пихтинская роспись яйца —
это мир геометрических линий, делящих яйцо на разные рав-
ные доли: посередине, на «апельсиновые» дольки и т. д. Вдоль
линий располагаются скромные декоративные рисунки. Час-
то встречаются 3-, 4-, 5-лепестковые цветы (рис. 2, 3, 5),
листья, поочередно и симметрично располагающиеся по ли-
ниям (рис. 1). Иногда это бывают волнистые линии или га-
лочки, точки, пунктирные черточки, также образующие сим-
метричный узор (рис. 7). Иногда линии на яйце образуют
сеточку (рис. 4, 6).

Рука молодого писца не может с ходу справиться с узором.
Старые «писари» уже прошли школу ошибок, хитростей, тон-
костей во время нанесения рисунка. Рука должна знать гео-
метрию, познать ее на практике. Неопытный, допуская неточ-
ность, нарушает стройность узора. Кажется, рисунок прост, а
берешься его рисовать на яйце — не тут-то было, несопро-
порционность все рушит. «Бабушка моя лихо выписывает без под-
готовки, а я взялась и не смогла», — делится впечатлениями
одна из молодых пихтинских жительниц.

После того как яйца расписаны, их красят. Почти всегда
красителем выступает излюбленная в деревне, заготавливае-
мая заранее луковая шелуха. Чем больше луковой шелухи, тем
сочнее становится цвет яйца. Привкус лука натурален, сочета-
ется с яйцом, и всех едоков устраивает такой экологический
«альянс». Во время варки воск на яйцах тает, но остается
белым нанесенный рисунок.

Готовые яйца кладут в красивую вазу и в день Пасхи

**Пасхальная открытка
1910-х гг.**

ставят на стол. Надо сказать, что яйца с разными рисунками (узорами), но с соблюдением одних и тех же цветов — коричнево-красноватый фон и белые линии — образуют ансамбль и смотрятся довольно эффектно с точки зрения декоративности композиции. Пихтинская ваза с пасхальными яйцами выглядит несколько не хуже модных фото из журналов в стиле «кантри», экзотики деревенских мотивов в праздники и в быту.

Утром все садятся за стол. Пасхальный завтрак начинает кто-нибудь из старших членов семьи. Он чистит одно яйцо и делит его на всех присутствующих. От этого общего яйца кусочек должен съесть каждый —

и стар и млад. Сколько членов семьи — столько и долей. При поедании общего яйца старший трижды говорит: «Христос Пан з мэртвых встал». Остальные отвечают: «Правдиво же встал!»

Если в день Пасхи собрались идти в гости, то нужно обязательно взять с собой для угощения несколько яиц. Конечно, среди пихтинцев также распространена игра «у кого яйцо крепче», когда соперники стучаются яйцами, а потом ревностно оглядывают результаты «битвы». Если яйцо с одной стороны треснуло, его переворачивают и бьют другой стороной. У кого яйцо осталось целым, тот и выиграл.

Интересен еще один момент пихтинской Пасхи. Он позволяет человеку продлить праздник по его окончании. Пасхальные яйца не всегда чистят так, как обычно, в мелкую

скорлупку. Яйцо стараются разбить сбоку, сделать в нем «колодец» и ложечкой аккуратно «вынуть» яйцо. Остается почти целая расписанная скорлупка. Такие скорлупки собирают и развешивают в доме по всем гвоздикам, насаживая их тем первоначальным «колодцем». Особенно декоративно смотрится в расписных яйцах деревянный карниз над окном. На нем специально для этого набиваются маленькие гвоздики, и карниз долго находится украшенным пасхальными яйцами. Они иногда срываются и падают, большая же часть украшает комнату до Троицы или

*Первый день Пасхи в семье
А.П. Людвиг. Средний Пихтинск,
11 апреля 2004 г.*

следующей побелки. Интересно, что даже после этого не во всяком доме полые расписные скорлупки выбрасывают. Их укладывают в чистую стеклянную банку и хранят. И в украшении оконных карнизов, и в хранении пустых скорлупок в основе лежит традиция сберечь яйцо в доме как оберег, спасающий жилище от напастей.

Такие скорлупки долго хранились и в семье Зелент, расписанные Зигмунтом Андреевичем Зелентом и его женой Юзофиной Мартыновной где-то в 1970-х годах. Узоры с них были перерисованы одним из авторов статьи и включены в иллюстрацию «Узоры пихтинских пасхальных яиц».

Пасха длится в Пихтинске три дня. Все три дня работать

нельзя, все праздны. Старые и глубоко верующие пихтинцы ходят с рабочей точностью на коллективные богослужения — «набоженьства». Сегодня в Пихтинске собираются в доме Юзи Михайловны Людвиг, в Дагнике — у Эммы Михайловны Пас-трик. В Среднем Пихтинске верующих встречает Адольф Михайлович Кунц. Он говорит собравшимся название религиозной книги, страницу, номер стиха, который следует читать. В Пасху набоженьства посвящены главам о том, как распяли Иисуса Христа на кресте, как сняли и положили в гроб, и самые светлые главы — о воскресении Господа. Дети, ставшие взрослыми, рассказывают, что в праздники набоженьства были главной частью дня. Люди возвращались оттуда со светом в душе, с чувством высокой радости, дети остро чувствовали это особое состояние души.

Далее наступала «Провидная» неделя — провожающее воскресенье. Праздник уходил, а впереди уже восходил свет нового праздника — Троицы, переводящей весну в лето, со своими особенностями.

В наши дни наблюдается возвращение к традиции расписывания пасхальных яиц. Пихтинские пасхальные рисунки пробились от переселенцев Побужья к нынешним детям через пять–шесть поколений, как первая зелень, пробившаяся сквозь зимние толщи стужи к солнцу, как первые почки разрывают скорлупку и на свет вырываются маленькие пушистые серебристые комочки вербы. Хочется надеяться, что пихтинская традиция Пасхи не растает в небе дымом и не опадет засохшей вербной почкой, а, наоборот, вернется к людям благодатным, капля за каплей, дождем. Только в засуху души общества и семьи вызвать этот дождь становится трудней. Не засохнет ли вербная веточка?..

INHALTSAUSGABE

Galina Makogon, Elena Lüdwig, Natalia Lüdwig. Ostertraditionen in Pichtinsk.

Die Verfasser beschreiben den Prozeß der Vorbereitung und der Durchführung des Osterfestes im Kreise der «Holländer» in Pichtinsk. Eine besondere Aufnahme wird der Tradition der Bemalung der Osterneiern geschenkt, ohne welche ist es unmöglich diesen Fest vorzustellen.

«ХОЛЕНДЕРСКИЕ» ДОМА В СИБИРИ: АРХИТЕКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

*Людмила Георгиевна Басина,
архитектор, заведующая научно-
исследовательским отделом
Центра по сохранению
историко-культурного наследия
Иркутской области,
г. Иркутск*

«Открытие» трех небольших деревень — Пихтинск, Средний Пихтинск, Дагник, сохранивших свою самобытную народную культуру, для нас, архитекторов, исследующих сибирское архитектурное наследие, состоялось в 1994 году, во время экспедиции по Заларинскому району, проходившей в рамках правительственной программы по инвентаризации памятников архитектуры Иркутской области.

Облик этих домов настолько отличается от привычных нашему взору сибирских изб, что отдаленные аналогии увиденному возникали только из книг и учебников по народному деревянному зодчеству Севера.

Отличия начинаются с местоположения поселений и их планировки. Три деревни расположены вдали от основных дорог, на равнинной территории, в окружении лесов и болот. Небольшая речка Тагна, протекающая рядом с Пихтинском, не оказывает никакого влияния на застройку и планировку деревни, в отличие от русских селений. Необычно для сибирских деревень выглядят и улицы: нет привычной ленты застройки из чередующихся фасадов домов и амбаров, соединенных высоким деревянным заплотом. На некотором расстоянии от проезжей части и значительном удалении друг от друга стоят длинные деревянные постройки. В их постановке наблюдается определенная закономерность: все они расположены под одним, часто не под прямым, углом к дороге и ориентированы не на улицу или реку, как в обычных сибирских деревнях, а неизменно по сторонам света.

По сути, перед нами предстал дом-двор, дом-комплекс. В одной вытянутой постройке собраны функционально различные части: жилье, сени, кладовые, хлев со стойками для раз-

*Пихтинск, дом А.М. Гильдебрант. Общий вид.
Фото И. Бержинского, 2004 г.*

личных животных и птиц, ток для обмолота зерна, сеновал и завозня. Все, что в традиционной сибирской усадьбе представлено отдельными сооружениями, расположенными по периметру усадьбы, здесь слито в единый функциональный организм под общей кровлей.

Принцип организации жилья как дома-двора, дома-комплекса свойствен многим европейским странам, включая и российский Север. Это широко известные дома-комплексы северных народностей — «брус» и «кошель», а также их многочисленные разновидности.

Объемно-пространственная композиция дома-комплекса представляет собой вытянутый прямоугольный объем значительной протяженности, перекрытый двускатной кровлей. Выразительный образ дома возникает из соотношения высокой кровли и приземистого сруба, поставленного прямо на землю.

Конструктивно и функционально постройка разделена на три основные части, расположенные по продольной оси постройки и условно называемые: «изба», «стайки» и «ток». Сруб избы сложен из бруса, углы рублены в «лапу» или в «ласточкин хвост» с выступающими остатками бревен. Средняя часть — стайка, выполнена из более легкого строительного материала — двукантного бруса или полубревна, а ток — из досок либо тонких бревен, забранных по углам в пазы столбов. Все три части связаны между собой проходами изнутри,

и каждая из них имеет отдельные выходы, как правило, на обе стороны дома.

Необходимо отметить, что все пихтинские дома выглядят практически одинаково и различия имеют лишь в мелочах. Жилая часть — «изба» — всегда выбелена и этим выделяется на фоне остальных, неокрашенных, частей, тем самым «избе» отведена роль лицевой, передней части дома. Поскольку «изба» всегда ориентирована в юго-западном направлении, то дома, стоящие южнее дороги, обращены к ней своими задними хозяйственными частями.

Главный торцевой фасад избы — непременно в два окна. Большая изба от меньшей отличается удлинением жилой части, т. е. количество окон увеличивается только по боковым фасадам, главный же торцевой фасад остается неизменно двухоконным.

Следует отметить, что декор в чистом виде, как украшение, в архитектуре пихтинских домов отсутствует. Небольшие прямоугольные окна — без наличников, с переплетами в шесть квадратов. Под свесом кровли жилой части, на торцевом и продольном фасадах расположены консольные выпуски верхних брусьев и поперечных балок. Вариации их фигурных профилей вносят, пожалуй, наибольшее разнообразие в однотипный облик домов-комплексов. Кровля со стороны главного

*Пихтинск, дом А.М. Гильдебрант. Интерьер «избы».
Фото И. Бержинского, 2004 г.*

*Средний Пихтинск, дом Ю.М. Людвига. Стайки.
Фото И. Бержинского, 2004 г.*

торцевого фасада дополнена полувальмом-козырьком. Продольные скаты кровли крыты досками в два или три ряда.

Главная часть дома-комплекса, называемая условно «изба», кроме собственно жилой части включает в себя сени, где расположены кладовые для хранения зерна, муки или других продуктов. «Изба» — единственная во всем доме-комплексе обогреваемая часть. Обогревается она печью, расположенной, как правило, ближе к внутренней капитальной стене либо в пересечении перегородок, если жильё состоит из нескольких комнат. Убранство интерьера жилой части так же лаконично, как и ее внешний вид: ровные беленые стены с четкими прямоугольниками окрашенных оконных колод и поперечными балками-матицами прямоугольного сечения. Перекрытие снаружи утеплено слоем земли. Чердак над жилой частью не используется. А из сеней «избы» можно попасть на чердачный уровень, расположенный над «стайками», который используется для хранения различной утвари и садово-огородного инвентаря.

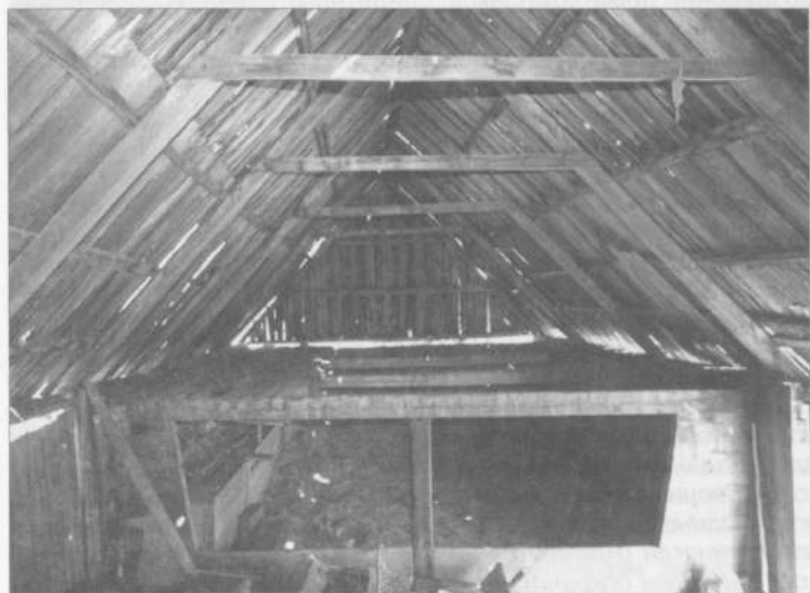
«Стайки» — средняя часть дома-комплекса, предназначена для содержания скота. Помещения или, точнее, загоны для различных животных размещаются по коридорной схеме: по обе стороны от сквозного прохода, расположенного по про-

дольной оси. Крупные столбы поддерживают балки, по которым на небольшой высоте устроен потолочный настил.

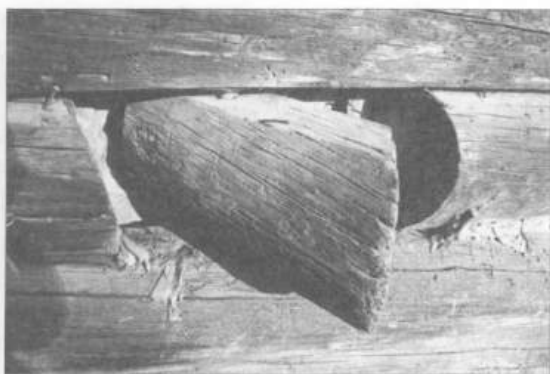
Через стайки можно попасть в третью часть дома-комплекса — «ток», место, где обрабатывают зерно, сушат и хранят сено. Со двора в эту часть можно въехать через широкие ворота, прямо на телеге. Здесь же располагается завозня — помещение для телег и саней.

Все сооружение представляет собой сложный рационально устроенный организм, который позволяет выполнять многие хозяйственные работы, подолгу не выходя на улицу.

Все пихтинские дома рублены без гвоздей. Большинство соединительных узлов и деталей выполнено традиционным архаичным способом. Деревянными гвоздями крепятся фигурно оформленные консольные выпуски балок перекрытия с подстропильным брусом. Почти все двери и ворота поставлены на «пяты»; множество ручек, задвижек и замков выполнены из дерева. Интерес представляет большое разнообразие типов небольших оконцев, расположенных, как правило, в стайках. Один из вариантов — в виде «вертушки»: небольшой фрагмент бревна сруба, выпиленный под острым углом, вращается и удерживается на своем месте с помощью деревянного гвоз-

*Средний Пихтинск, дом Ю.М. Людвига. Ток.
Фото И. Бержинского, 2004 г.*

**Примеры небольших оконцев. Пихтинск, дом И.Э. Бендик.
Фото И. Бержинского**

дя, соединяющего его по оси с верхним и нижним венцом. Другое оконце — волоковое, с задвигающейся изнутри дощечкой — имеет сложную крестообразную форму.

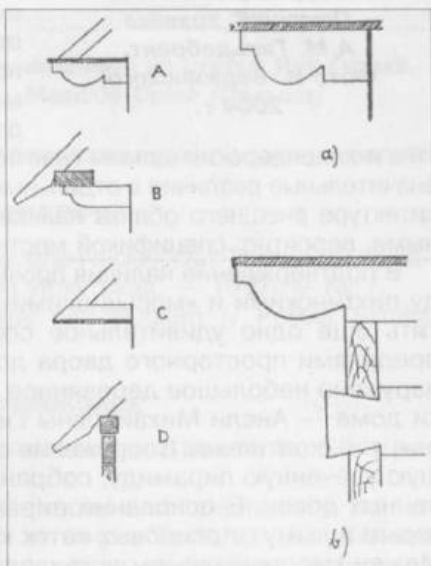
Простота объемно-пространственной схемы, традиционные конструктивные и строительные решения, использованные при возведении дома-комплекса, свидетельствуют о подлинно народном происхождении этой архитектуры.

Первые «литературные» поиски типологических прототипов пихтинских домов привели нас в некоторые районы Белоруссии, Украины, Польши, Словакии и Восточной Германии, где был распространен тип дома-комплекса, во многом напоминающий пихтинский.

В процессе дальнейшего изучения истории появления и продвижения в Сибирь данной группы людей, называющих себя голендрами, мы познакомились со статьей поляка Яна Гурака, исследующего различные проблемы «холендерских» поселений. Не затрагивая различных аспектов национальной и религиозной идентификации либо профессиональной принадлежности интересующей нас группы людей, поднятых в статье Яна Гурака, остановимся на подробном описании дома.

«В современной левобережной деревне Мосьцице Нижней есть восемь хозяйств типа «холендерского», это значит, что в одном здании, под общей кровлей размещаются жилая часть, хозяйственные помещения и рига (овин)... Все постройки имеют почти одинаковую планировку, конструкции и внешний вид и только иногда отличаются незначительными деталями... Среди всех наиболее сохранился дом № 14 Иосифа Слензака. В основе плана — вытянутый прямоугольник с размерами 24,70 м в длину и 7,40 м в ширину. Половина дома — это жилая часть,

другая половина вместе с овином — хозяйственная. ...Характерной чертой планировки является расположение жилых помещений в левой части здания (смотря от входа), хозяйственных — в правой. ...Помещения, расположенные между жилой частью и овином (конюшня, свинарник, стойки, хлев), занимают около четверти всего дома. Это одно большое помещение, разделенное низкими стенками на узкий коридор по середине и отсеки для различных животных по обеим сторонам. В другом конце коридора — двери, ведущие в овин, где находятся ток и закрома. ...Дом построен из сосновых балок толщиной 12 см. Сруб стоит на фундаменте: в жилой части из кирпича, в хозяйственной — из камней и деревянных колод. Характерной чертой конструкции здания является способ соединения продольных стен с торцевыми. В жилой части угловое соединение выполнено «ласточкинским хвостом» с концами, выступающими на 7–10 см, а стены овина соединяются в пазах при помощи вертикальной опоры. Стены жилой части беленые. ...Дом покрыт двускатной кровлей с отношением видимой части сруба к высоте крыши более 1 : 1,5. Торец крыши жилой части всегда имеет навесное

Примеры рубки углов и обработки консольных выпусков балок. Слева: Средний Пихтинск, дом Ю.М. Людвига. Фото И. Бержинского, 2004 г. Справа: иллюстрация из статьи Яна Гурака. Mościce Dolne (Польша)

**Винзарня (коптильня).
Пихтинск, хозяйка
А.М. Гильдебрант.
Фото И. Бержинского,
2004 г.**

покрытие из досок или соломы. Торец этот, как правило, трактуется как украшение с фигурной обшивкой (горизонтальной и вертикальной или в елочку)... Крыша покрыта соломой... Окна — шестиячеистые... Перекрытие из балок, концы балок, выходящие наружу, — профильные. Потолочные балки тянутся через всю ширину дома... По мере необходимости к стенам овина пристраивались небольшие хозяйственные помещения (дровяной сарай, кладовки для инвентаря и т. п.)».

Результаты сравнения пихтинского дома с холендерским дают основание для следующих выводов: мало сказать, что рассматриваемые образцы домов относятся к одному типу жилищно-хозяйственных комплексов, можно с уверенностью утверждать о наличии между пихтинским

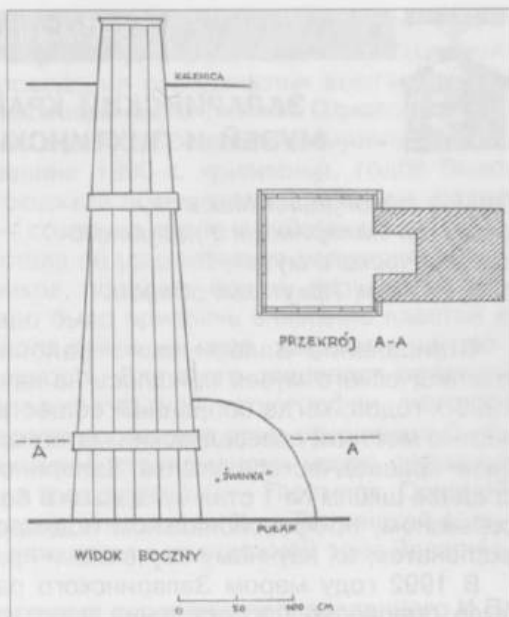
и холендерским домом генетической связи. Некоторые незначительные различия в отдельных элементах планировки и архитектуре внешнего облика являются модификациями, вызванными, вероятно, спецификой местных условий проживания.

В подтверждение наличия прочной генетической связи между пихтинскими и «мосьцицкими» поселениями можно отметить еще одно удивительное совпадение. В Пихтинске, за пределами просторного двора дома № 6, ближе к реке, обнаружено небольшое деревянное сооружение, со слов хозяйки дома — Анели Михайловны Гильдебрант, — это «винзарня», т. е. коптильня. Сооружение представляет собой небольшую усеченную пирамиду, собранную из вертикально поставленных досок. В основании пирамиды устроен очаг, над которым в дыму от осиновых веток коптится подвешенное мясо. Между мясом и очагом устанавливается сетка. Чертеж аналогичного сооружения из Mościce Dolne, называемого Komin «deskowy», приводится в статье Яна Гурака.

Что касается сравнения пихтинского дома с сибирскими крестьянскими постройками, то их роднят только архаичные конструк-

тивные приемы, применявшиеся, очевидно, в строительстве деревянного жилища различных народов.

При определении особенностей архитектуры отдельного народа на первый план выходят вопросы общности и различия с архитектурой родственных и соседних этносов. Очевидно, что тема эта разработана еще недостаточно и требует дальнейшего изучения. Чтобы ответить на эти вопросы, необходимы специальные исследования, ход которых затруднен в силу оторванности исследуемых деревень от мест исторического проживания данной группы людей.

*Komin «deskowy» из статьи Яна Гурака.
Mościce Dolne (Польша)*

ЛИТЕРАТУРА

Басина Л. Архитектура переселенческих сел: Пихтинск, Средне-Пихтинск, Дагник // Земля Иркутская. — 1997. — № 7.

Górak J. Holenderskie domy nad Bugiem // Polska Sztuka Ludowa. — 1971. — № 1.

INHALTSAUSGABE

Ludmila Bassina. «Holenderskie» Häuser in Sibirien: Architektonische Analyse.

Der Verfasser des Artikels betrachtet architektonische Bauten der Pichtiner Holländer, die in ungewöhnlichen für Sibirien Hauskomplexen wohnen, die unter einer zweiseitigen Abdachung Wohn- und Wirtschaftsbauten vereinen. Der Vergleich der Pichtiner Häuser mit den Hauskomplexen im polnischen Dorf Mościce, laut der Meinung des Verfassers, zeugt von «der genetischen Verbindung» zwischen ihnen.

ЗАЛАРИНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ И ПИХТИНСКИЕ ГОЛЕНДРЫ

*Галина Николаевна Макогон,
директор Заларинского районного
краеведческого музея,
пос. Залари, Иркутская область*

Становление Заларинского районного краеведческого музея пришлось на начало 1990-х годов, когда собранный общественностью местный краеведческий материал на базе краеведческого уголка Заларинской средней школы № 1 стал нуждаться в более серьезном, профессиональном подходе к учету и хранению экспонатов, их научному изучению и пропаганде.

В 1992 году мэром Заларинского района В.П. Минеевым было подписано распоряжение о создании районного краеведческого музея. Оно не было принято на пустом месте — о нем ходатайствовала общественность, прежде всего работники образования (директор центра эстетического воспитания учащихся М.И. Картошкина и учитель-краевед Г.Н. Макогон), а также все те, кто видел в истории малой родины сильное и действенное средство воспитания молодежи, — первый секретарь РК ВЛКСМ Т.М. Козлова и председатель совета ветеранов Ю.Ф. Невидимов. Создание музея было поручено отделу культуры района (заведующая С.С. Васильева) и стало подкрепляться небольшими, но важными на первых шагах вложениями денег — на оплату ставок работников музея, на проведение мероприятий. Осторожно, робко обдумывались первые действия. Среди сотрудников не было опытных музейщиков, поэтому первое время жизнь музея в старом перемороженном подсобном здании при школе, находящемся в аварийном состоянии, едва теплилась. Тем не менее тогда музей достиг договоренности об обследовании района археологами областного Центра по сохранению историко-культурного наследия (ЦСН), а также принял участие в инвентаризации памятников архитектуры архитекторами и историками того же ЦСН. Но для развития музейного потенциала в районе требовались более интенсивные и динамичные меры.

В 1994 году музей получил помещение бывшего кинотеатра «Дружба» — хороший вариант для размещения постоянной экспозиции музея и проведения передвижных выставок, для организации больших массовых мероприятий. Однако для реконструкции кинотеатра в музей требовались немалые деньги. Изыскать же их в середине 1990-х, кризисных, годов было задачей нелегкой, для бюджета дотационного района — почти непосильной. Но цель — создание музея в районном центре — уже сформировалась, стала поддерживаться расширившимся кругом единомышленников, повела к поиску результативных идей. Прежде всего надо было привлечь внимание властей к строительству культурного очага на селе, заставить заговорить об этом общественность. Для этого следовало показать самобытность, своеобразие культуры, этнографии, истории района. Наиболее интересных очагов в этом отношении было несколько, но самым ценным, «талисманом» музея, оказался Пихтинский комплекс из трех деревень — Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник, которые относятся к Хор-Тагнинской сельской администрации и находятся в притаежной зоне Заларинского района.

В результате обследования деревень, произведенного И.В.

*На вечере «Кто мы? Откуда мы?». Средний Пихтинск, 1994 г.
На сцене: Екатерина Иосифовна Гимбург, Иван Михайлович
Кунц, Галина Николаевна Макогон*

*Пихтинская свадьба. Средний Пихтинск, 1995 г.
В центре родители жениха — Наталья Юльевна
и Петр Мартынович Людвиг*

Калининой и Л.Г. Басиной в 1994 году, их архитектура была отнесена к разряду уникальной, нехарактерной для сибирских поселений. Она несла в себе черты архитектуры Западной Европы, и дальнейшие исследования подтвердили это. Удаленность от густо населенной притрактовой зоны и религиозная общность пихтинцев позволили им сохранить настолько самобытный уклад, что всякий «чужеземец» это чувствует и удивляется сохранившейся «кладовой» пихтинской этнографии.

В декабре 1994 года была проведена встреча пихтинцев с общественностью Заларинского района и города Иркутска. «Кто мы? Откуда мы?» — так была обозначена тема этой встречи в пригласительном билете. Организатором встречи стал музей, но основную помощь оказала вся административная команда от мэра района П.Г. Марчука до глав сельских администраций. Существенную деловую и информационную поддержку оказали также сотрудники ЦСН И.В. Калинина, Л.Г. Басина, Н.Г. Галеткина, аспирант ИГУ А.П. Санников, сотрудники отдела культуры района и Пихтинского дома досуга. Не остались в стороне и пихтинцы. Практика показывает, что чем дружнее

проводится такого рода мероприятие, тем больше от него отдача. С пихтинцами работать было приятно. Штабом действий стали дом и семья Петра Мартыновича Людвига в Пихтинске. Здесь шла вся практическая подготовка встречи. В программу трех дней в деревне входили вечер пихтинского землячества, демонстрация обряда пихтинской свадьбы, этнографическая экскурсия на тройках лошадей по домам пихтинцев и аукцион изделий пихтинских мастеров.

Все запланированные мероприятия прошли с большой психологической отдачей. Впервые прозвучала тема уникальности судьбы пихтинских голендров; она очень взволновала самих пихтинцев. Присутствующие — гости и хозяева деревень — окунулись в удивительную атмосферу воздействия извлеченных из небытия фактов и сведений. Людей взволновало все: общий сбор, оформленная выставка, содержание рассказов ведущего встречи и специалистов, продемонстрированные «изюминки» пихтинского уклада — свадьба, в проведении которой сохранились традиции глубокого прошлого, рождественские колядки, смешные побасенки, исполненные на польском

За свадебным столом. Средний Пихтинск, 1995 г.

Слева направо: Т.Ю. Людвиг, О.П. Зелент, невеста Елена Владимировна Людвиг, жених Алексей Петрович Людвиг, А.Р. Пастрик, Н.П. Людвиг

языке Е.И. Гимбург, продажа дорожек-половиков, изготовленных в «старой избе» — мастерской А.А. Зелент, и др. Все подкреплялось богатой национальной кухней (с таежным своеобразием). Многие впервые попробовали знаменитую копченую пихтинскую колбасу, польский барщик, сырники, традиционно живописно украшенные клюквой.

Особое воздействие на настроение людей постоянно оказывала изумительнейшая зимняя сибирская природа в глубинке тайги: чистейшие краски во всем, действительно белый снег, яркие звезды, голубейшее небо — все это было как бы специальным дополнением к тому, о чем говорилось: все волнующе, глубоко, по-настоящему. Все три дня люди любовались Пихтинском — удивительными вышивками, изделиями из дерева, говором, характерами и лицами жителей.

Резонанс от встречи был хороший. Она нашла необходимую огласку в кругах специалистов областного центра, заставила людей посмотреть на карту Иркутской области и найти там Залари, а в районе отыскать неприметный Пихтинск.

Здесь же, не в стороне, а в самой гуще народа, среди родных и селян, находился человек, сыгравший важнейшую роль на начальном этапе и до сих пор остающийся одной из главных действующих сил в пропаганде пихтинской истории, — Иван Зигмунтович Зелент, уроженец Пихтинска. Приглашая его на встречу земляков, музей очень надеялся на его практическую помощь. Он был в то время депутатом от 28-го округа, куда входил наш район, председателем Законодательного собрания Иркутской области, вторым лицом в областной власти, представлявшим область в верхней палате правительства России — Совете Федерации. Мне как директору музея повезло при знакомстве с ним. За месяц до встречи в Пихтинске он вел прием населения в Заларях. Я, выждав свою очередь, зашла к нему с просьбой помочь с открытием музея в Заларях и пригласить на встречу земляков в Пихтинск в декабре 1994 года. В ответ услышала: «Не могу. У нас в декабре презентация области в Сеуле». Сказав: «И я не могу из-за старых людей перенести мероприятие», направилась к двери. Взявшись за ручку, уже выходя, услышала его командный голос: «Постойте. Если у вас есть время, я хотел бы осмотреть ваш музей. Буду через час». С тех пор мы стали единомышленниками, объединенными одним делом. На встрече в Пихтинске Иван Зигмунтович был одним из самых благодарных слушателей и зрителей. Он понимал, что речь идет не о рядовом вопросе, а о высоком духовном долге нашего поколения перед

историей и будущим. С этого момента И.З. Зелент и станет служить делу восстановления и сохранения пихтинского прошлого и увлекать им других.

Постепенно складывалась команда единомышленников. Только трудное это дело — бороться в районе и области за сохранение культурного очага в таежной глубинке. Это ведь не Байкал, не Ольхон, не крупные и ведущие музеи Иркутской области. Против нас были и кризисное положение экономики района, и вечная нужда в ГСМ, в командировочных, и удаленность деревни даже от районного центра, и отсутствие телефонной связи с Пихтинском. Да мало ли что еще мешает даже горячему желанию

*Иван Зигмунтович Зелент.
1990-е гг.*

достигать цели?! Тема интересует многих, отзываются многие, а участвовать, бороться, уметь — это могут далеко не многие. В борьбе за сохранение пихтинской истории сложилась лишь группа упрямых ванек-встанек, которых и попинывают, и покусывают за «непрофессиональный» подход к делу, но они стучатся во все двери, чего-то добиваются, что-то делают...

И.З. Зелент тоже оказался тем человеком, который если берется за дело, то исполняет его. Он страстно любит свою малую родину, Пихтинск, и с пониманием отнесся к идее создания музея в родном районе. Для меня лично он стал надежным соратником. Огромным плюсом оказались его замечательная простота в общении, большая энергия, знание действительности. Все эти качества очень важны для дела. После встречи в Пихтинске Иван Зигмунтович помог районной администрации с финансированием музея и 27 июня 1996 года присутствовал на церемонии открытия районного краеведческого музея в Заларях. В экспозиции этого музея один из уголков был посвящен пихтинским деревням, изучение которых надлежало вынести в самостоятельную крупную научную и музейную тему.

В сознании деревенских жителей таежной глубинки после вечера «Кто мы? Откуда мы?» началось переосмысление, переоценка своей духовной культуры. Как бы после застоя, затишья, общей затуманенности представлений о своем прошлом начался процесс очищения от пелены забвения. Деревня стала вспоминать саму себя. Процесс этот, к счастью, не закончен, но в тот момент он был началом поиска своей истории заблудившихся во тьме времен и пространств людей, их пробуждением.

Пробуждение это начали старые люди. Сперва в почти случайных встречах с рассказами о своем прошлом. Потом компас памяти и духовности вывел старых людей на торную дорогу — на возвращение верующих к своему вероисповеданию, к лютеранству. Как магнитные поля в природе порождают друг друга, так культура и вероисповедание проникают друг в друга. Культура бужских голендров была принесена в Сибирь в 1910-х годах на крыльях лютеранской веры. Старые люди Пихтинска знали это. Мы в конце 1990-х годов заговорили об их культуре, а они, послушав нас, заговорили о более важном — о вере.

В 1996 году старые верующие пихтинцы попросили И.З. Зелента помочь им найти священника, близкого к их вере — лютеранству. На приглашение отозвался настоятель римско-католического прихода Иркутска о. Игнацы Павлусь. Первыми провожатыми настоятеля по району были сотрудники нашего музея. Пихтинская паства покорила настоятеля, и он стал ездить из областного центра в таежную заларинскую глубинку с завидной регулярностью и в жару и в морозы, и больной и здоровый, и один и с гостями разных рангов и статусов. Обаятельнейший трудолюбивый человек, он работает в Пихтинске не только с теми, кто думает о душе в преклонном возрасте, но и с детьми, и с семьями, пострадавшими в наводнение, и т. д.

На встрече в декабре 1994 года присутствовала и историк ЦСН Н.Г. Галеткина. Музей установил с ней деловое сотрудничество, которое дало свои результаты. Н.Г. Галеткина отыскивала метрические записи лютеранской кирки Иркутска начала XX века о пихтинцах, выезжавших в город для регистрации своих браков, новорожденных, умерших. С помощью пихтинцев мы установили данные об их родных, оставшихся на Волыни и не поехавших в Сибирь. Людей этих в 1940-е годы ждала судьба переселенцев в Германию, но связь с родными в Сибири не

была прервана. Н.Г. Галеткиной удалось случайно съездить в Германию, но далеко не случайно, а благодаря целенаправленной энергичной работе поисковика ей удалось найти тех людей, а вместе с ними — ценную новую информацию об исторической судьбе голендров уже там, в Европе. Сибирский период — столетие проживания пихтинских голендров в Сибири, высветился достаточно четко — это наш местный материал. Установить историческую судьбу голендров за рамками сибирского столетия смогла Наталья Галеткина. Ей удалось заглянуть в века, наметить главные ориентиры в судьбе пихтинцев за 400–500 лет. И в Иркутском госархиве она нашла интересные документы — например, данные о первых переселенцах, карту их расселения в Пихтинске, в Среднем. Музею просто повезло в том, что она, молодой ученый-историк, работала, печатая свои материалы, которые профессионально, грамотно были поданы обществу. Однажды И.З. Зелент выделил по моей просьбе машину, на ней Н.Г. Галеткина вместе с о. Игнацы и помощником Зелента как члена Совета Федерации В.И. Проничевым приехала в Пихтинск и в местном Доме культуры рассказала пихтинцам об их далеком прошлом, открыв еще одну страницу пихтинской истории.

**Фрагмент бывшей экспозиции
Заларинского краеведческого
музея, посвященной пихтинским
голендрам. 1990-е гг.**

С самого начала Заларинский музей стал формировать пихтинскую коллекцию фондов, которая, к сожалению, сгорела в пожаре 2000 года. Среди сгоревших экспонатов были

«Пихтинские встречи-2003». «Флору» Рембрандта изображает Людмила Лукьянова. Средний Пихтинск. Фото И. Андрейчука, 2003 г.

давшее работу местным жителям, закрыт местный детсад. Все, что обещали на встрече в декабре 1994 года руководители предприятий о помощи деревне, не было исполнено, так как наступили очень тяжкие, «окаянные» дни для всех. Пихтинск остался выживать в условиях только жизнедеятельности частного сектора, обеспечивая себя лишь за счет натурального хозяйства.

По итогам выступления музея на Красноярском биеннале материал о Пихтинске, иллюстрированный интересными фотографиями, был помещен в московском журнале «Итоги» (1998, 6 октября, с. 44–49). Публикация оказалась интересной, яркой; удивительная судьба диаспоры западноевропейского происхождения в таежных Саянах, в глубинке, вызвала интерес у читателей журнала. Среди них оказался и журналист ежедневной голландской газеты «De Volkskrant» Барт Рийс. Уроженец Амстер-

стужки — самодельные бочки из соломенных жгутов, интересные изделия из лозы, тканые изделия из льна и др. В 1998 году музей принял участие во II биеннале Сибири и Дальнего Востока в Красноярске. Среди материалов нашего музея главным был фильм о Пихтинске. По итогам участия в музейном фестивале наш музей стал лауреатом номинации: «За человеческое участие в судьбе деревни». Замечу попутно, что эта номинация резко контрастировала с судьбой деревни. 1990-е годы оказались просто роковыми для Пихтинска с точки зрения выживания. Здесь было упразднено отделение совхоза, да-

дама, этот человек «десантировал» себя по личной инициативе в разные уголки мира, если речь шла о его соотечественниках — голландцах. Он трудился в Сербии, в Заполярье, находя там для своих книг интересные материалы о необычных судьбах земляков. Б. Рийс приезжал в Пихтинск трижды: он взялся писать книгу о пихтинских голендрах. Сквозь перипетии исторической судьбы этого народа он разглядел их голландские корни, озадачив себя целью поведать о них у себя на родине. Этот голландец оказался истинным путешественником: он имел при себе спальный мешок и деньги на дорогу и питание, подчас надеясь на гостеприимство хозяев. Его «пригрел» И.З. Зелент, потом все дороги Рийса вели в Пихтинск, но через музей. Помню, как сильно мешал языковой барьер, мы замучили переводчика уже при первой встрече, и вот когда он заснул, умеренный работой, мы с Бартом, наконец, только разговорились по-настоящему: очень много он уже знал, к моменту нашей встречи он работал в музеях и архивах Кракова, Варшавы, Любomla. Я подобрала для него местную информацию, за которой он буквально прилетел. Б. Рийс привез документы из архивов, научные работы, фотографии, статьи, имеющие отношение к голендрам. Одним из его дорогих подарков музею явилась книга Э. Бютова «Бужские голендры на Волыни» на немец-

*«Пихтинские встречи-2003», зрители. Средний Пихтинск.
Фото И. Андрейчука, 2003 г.*

ком языке (Schwerin, 2002). Несколько дней журналист жил в деревне, наблюдая и изучая быт сибиряков.

По ходатайству селян и Заларинского музея Дому культуры Пихтинска была выделена ставка для работы исторического кружка. Руководителем его была назначена местная жительница Наталья Ивановна Людвиг. Вместе с директором Пихтинского дома досуга Еленой Владимировной Людвиг, руководителем исторического кружка Н.И. Людвиг с 1 января 2003 года мы начали новый виток в изучении и сохранении пихтинской истории. Большую помощь в этом деле оказала Заларинская районная администрация во главе с мэром района Петром Гавриловичем Марчуком, выделившая 10 тысяч рублей на зарождение музейного очага в Пихтинске. На эти деньги были приобретены первые экспонаты для будущего музея, который вместе с Пихтинской школой разместится в ремонтируемом помещении бывшего детсада.

Одним из ярких итогов года стали проведенные 27 июля «Пихтинские встречи-2003». Самые беспокойные неравнодушные селяне — А.А. Зелент со своей семьей, семья П.М. Людвиг и др. — сплотились и были рядом. Опять большую организаторскую роль сыграл И.З. Зелент. Благодаря ему в Пихтинске собрались многочисленные представители рода Зелентов, почтившие память своего деда и прадеда Андрея Михайловича Зелента, расстрелянного 27 июля 1938 года.

Сидели в зале семьи Гильдебрант, Людвиг, Кунц, Зелент... А на сцене для них оживали картины прошлого: звучала старинная музыка, горели свечи, розовели щеки голландских девушек, несущих молоко, на полотнах.

История продолжается...

INHALTSAUSGABE

Galina Makogon. Das Landeskundemuseum in Salari und Pichtiner Holländer.

Die Direktorin des Landeskundemuseums im Kreisort Salari des Irkutsker Gebietes schreibt über die Geschichte der Entstehung des Museums und seiner Tätigkeit, die auf das Studium und die Erhaltung der materiellen und geistlichen Kultur der Pichtiner Holländer, die seit Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts auf dem Territorium des Kreises leben, gerichtet ist.

ПО СЛЕДАМ СТАРЫХ ПИСЕМ

Наталья Геннадьевна Галеткина,
историк, собственный корреспондент
российской католической газеты
«Свет Евангелия»,
г. Иркутск

Во избежание недоразумений и необоснованных претензий к содержанию данной статьи хотелось бы предварить ее небольшим вступлением и пояснить, о чем же, собственно, пойдет здесь речь. Делается это прежде всего для тех читателей, которые за неприменный признак «научности» принимают лишь сухие теоретические рассуждения, а также для тех, кто предполагает увидеть в этой статье полное изложение истории бужских голендров. Они не найдут здесь ни того, ни другого, поскольку гипотезы происхождения этой общности не являются в данном случае предметом научного интереса. Не будет здесь и аксиом, утверждающих «как все происходило на самом деле». Меня интересовали прежде всего судьба конкретных людей, рассказанная ими самими, их самовосприятие и их собственные представления о группе, частью которой они себя ощущают. Те или иные факты из жизни именно этой части бужских голендров будут даны в том виде и в той последовательности, в каких они становились доступными в ходе поездки. Замечу, что порой наиболее интересным для меня было не столько содержание разговора — факты, даты и пр., сколько сам феномен выбора информации, который делали мои собеседники для самопрезентации.

Можно также воспринимать эту работу как своего рода путевые заметки, рассказывающие о небольшом, но увлекательном отрезке жизни социального исследователя. Как рассказ о путешествии, в которое вовлекли меня старые письма, хранившиеся в семьях пихтинских голендров. Но прежде — несколько слов о самих письмах.

ТЫРЕТЬ — ПИХТИНСК

В ноябре 1994 года, накануне памятного «праздника землячества», организованного Заларинским краеведческим музе-

ем, состоялось мое первое, хотя и опосредованное, знакомство с Пихтинском. С целью записать воспоминания о переселении в Сибирь вместе с сотрудником музея Анатолием Смирновым мы обошли дома выходцев из Пихтинска, живших на тот момент времени в поселках Залари и Тыреть. Среди них были Густав Григорьевич и Наталья Ивановна Зелент, которые и показали мне несколько писем, приходивших от их родственницы Брониславы из восточногерманского городка Тёпхин. Написанные по-русски, эти письма датировались 1974, 1977, 1979 и 1991 годами.

Знакомство уже в Пихтинске с Петром Мартыновичем и Натальей Юльевной Людвиг продолжило тему переписки поселенцев Пихтинского участка с их родственниками, не ехавшими в Сибирь. От Натальи Юльевны я получила копии нескольких писем на русском и польском языках, хранившихся в семье с конца 1950-х годов. Они приходили из немецкого города Дуисбург и адресовались ее дедушке Зигмунту Андреевичу Зеленту. Их автор Иван Людвиг (в письмах на польском подписывавшийся как Ян, а в адресе на конвертах как Йоханн) приходился Зигмунту Андреевичу родным дядей.

Почему обе эти ниточки — из Тырети и Пихтинска, вели именно в Германию, тогда как в качестве малой родины пихтинских поселенцев назывались бывшие Волынская и Гродненская губернии, — никто обстоятельно объяснить мне не мог. В тот момент это казалось одной из многих загадок, которые ставил Пихтинск при знакомстве с ним.

Почти год спустя, собираясь в Германию, я подумала, что было бы очень интересно встретиться с людьми, писавшими эти письма. Речь не шла о запланированном научном изыскании, и та поездка не была напрямую связана с работой. Я просто ехала в отпускное путешествие по приглашению своей немецкой подруги, но на всякий случай взяла с собой копии писем, надеясь, что, может быть, обстоятельства сложатся таким образом, что позволят реализовать эту идею.

КРЕФЕЛЬД — ДУИСБУРГ

Итак, в ноябре 1995 года я оказалась в гостеприимном доме Анны-Мари и Ханса Онкельс в западногерманском городе Крефельде. Еще по дороге в автобусе, разглядывая карту Германии, я неожиданно увидела знакомое название Дуисбург. Именно оттуда была половина пихтинских писем, и, если верить карте, этот город находился совсем недалеко от Крефельда. Это обстоятельство еще больше вдохновляло на поиски.

Разговор с Онкельсами о бужских голендрах зашел в первый же день пребывания в их доме. Я рассказала им о Пихтинске, показала письма и поделилась идеей найти их отправителей. Помню, что «папа Ханс» (как полушутливо предложил себя называть отец Гудрун) начал искать в старинной книге о Реформации сведения об аугсбургской конфессии, упомянутой в метриках из Пихтинска. А когда нашел, то нас развешило совпадение цифр: нужная информация оказалась на 227-й странице, а в 227-м доме жил отправитель письма Йоханн Людвиг, которого мы и собирались разыскивать. В нашем распоряжении было только несколько его старых писем с адресом на конверте: Дуисбург-Хукинген, Дюссельдорфер-Ландштрассе, 227. Сам город, по словам Ханса Онкельса, находился в десяти минутах езды от Крефельда, улицу же легко можно было найти по карте. На следующий день мы сели в машину и поехали. Постараюсь рассказать об этом чуть подробнее, воссоздавая в памяти и на бумаге «картинку» того дня.

...Итак, сегодня 13 ноября 1995 года. Письмо же, которое я держу в руках, было написано 12 марта 1959 года, т. е. более 36 лет назад. Какова вероятность того, что его автор живет по прежнему адресу или что он вообще все еще жив? Через 15 минут мы это узнаем.

Приезжаем по указанному в письме адресу. Перед нами многоквартирный дом, у каждого подъезда которого — домофоны с табличками имен проживающих. Ни под номером 227, ни под каким другим фамилии Людвиг не обнаруживаем, тем не менее нажимаем на кнопку звонка. Тут я в полной мере понимаю, как же мне повезло с таким помощником, как «папа Ханс», поскольку в той ситуации без него вряд ли бы мне удалось узнать многое. Располагающий к себе с первого взгляда и любящий поговорить, Ханс с достоинством приветствует хозяйку квартиры, открывшую нам дверь. Довольно подробно он объясняет ей цель визита. «Сибирь», «наша гостыя», «старые письма», «Людвиги» — только и успеваю понять в его эмоциональной речи. «Да, они жили здесь, — отвечает женщина, — но переехали. Куда? Кажется, на...». До конца не веря в возможность встречи с тем самым Людвигом, мы едем по указанному адресу. Это недалеко, здесь же, в Дуисбурге.

Звоним. В ответ — тишина. Ханс решает расспросить соседей, мы обходим дом, и вдруг он радостно восклицает, указывая мне на окно второго этажа: «Смотри! Это — точно они». Поднимаю голову и через стекло вижу икону Богородицы. «Вряд ли это случайно, — добавляет Ханс, — наверняка это они».

Duisburg-Huckingen 13.1. 58. r.

List od Wujka Jana Ludwiga
byłego przed Wojną w Romaczeniu a
teraz na Kachednicki Kormiaci,
do swiego kochanego Siostranica
Zygmunta Syna Andrieja Zelenta a
Matki Kateryny z Ludwigan.

O Lub kochani nasi niewiemy czy-
my jeszcze żyjecie, bo Matka moja K. a
Wuj Siostra to już dawno przed Wojną
umarli, a Ojciec Andriej to niewiem
czy żyje, więc kochany Zygmuncie
jako synu wyślij nam Zygmuncie
skądś inny jest pewnie w waszej Rodzinie
do prosze was bardzo, no piszcie nam
jak możecie, kto tam jest więcej wyślij do Familji
Ludwig, tam było dużo Familji i innych
a teraz mielibyśmy i miernymi
i jak nam pomodlisie, my narazie jesteśmy
przy zdrowiu choć mielibyśmy jakem do mamy
do brata My stoję ston i córka najintodnie
z nami Jozefa, a córka Helena to już dawno
kamienowa der kotomasa obeszumie ma droje
Dzieci Młoda, a Syn Eduard od nas zokl.
ter Opemany ma Kone i jednego chłopaka
i wszystkie na razie obis do br. prawnim
w Fabrykach i tak idzie aby dalej

iq.

Фрагмент письма Ивана Людвиг Зигмунту Зеленту
из Дуисбурга в Пихтинск. 1958 г.

Из соседнего дома выходит общительная и словоохотливая женщина. Она не только описывает владельцев интересующего нас дома, замечая при этом, что они — «не то поляки, не то причерноморские немцы из Одессы», но даже дает номер телефона хозяйки Ирэны Зирах, урожденной Людвиг. Когда мы возвращаемся домой, то Ханс звонит фрау Ирэне и договаривается о времени нашего визита.

Ирэна Зирах оказалась дочерью автора писем Ивана (Яна-Йоханна) Людвига, которого самого уже давно не было в живых. Он умер вскоре после того, как в Пихтинск пришло то самое письмо, которое гораздо позже попало ко мне в руки. В то время когда велась эта переписка, Ирэне было чуть больше 20 лет и, будучи незамужней девушкой, она жила в родительском доме. Со смертью отца прервалась всякая связь с сибирскими родственниками. Хоть и родившаяся в Домачево у Западного Буга, но совсем маленьким ребенком оказавшаяся в Германии, Ирэна не знала ни польского, ни русского языка, а потому поддерживать переписку, которую вел с Пихтинском ее отец, она уже не могла. И вот теперь, спустя многие годы, разглядывая страницы старого письма, она узнавала почерк отца, но не могла понять ни слова из того, что он писал.

Ирэна и Эдвард Зирах. Дуйсбург, 1995 г.

Когда я начала переводить ей содержание письма, то оказалось, что она прекрасно помнит те события, о которых писал Иван Людвиг. Да, сказала она, действительно, папа тогда хлопотал о получении пенсии и столкнулся с проблемами в связи с потерянными во время войны документами, и здоровье тогда было у него уже не то... Было так удивительно слышать об этих обыденных деталях прошлого, которые как бы на глазах соединяли его с настоящим.

Другой ниточкой, связавшей не только время, но и пространство, а если выражаться менее возвышенно, то — Дуисбург и Пихтинск, была старая библия, которую показала нам Ирэна Зирах. Это была абсолютно такая же книга, как те, которые я уже видела у сибирских голендров. Те же готические буквы, те же польские слова и те же страницы для записей семейной хроники. Как и старые религиозные книги, что хранятся во многих семьях выходцев из Пихтинска, эта библия была отпечатана в начале XX века в Германии и, вероятно, тогда же привезена в колонии бужских голендров их пастором. Она принадлежала отцу Ирэны и вместе с ним проделала долгий путь от Домачево до Германии, потом оттуда в оккупированную Польшу и снова в Германию.

Большинство записей на страницах семейной хроники было сделано по-польски. Из них следовало, что Ян Людвиг, сын Яна и Катэжины из Людвигов, родился 21 декабря 1895 года. В ноябре 1917 года он обвенчался с Августой Флорентиной, которая родилась 19 октября 1898 года в семье Ежи Людвига и Каролины Зелент. Венчал молодых пастор Зырквитц в колонии Нейдорф-Нейбров. О родителях жены сообщалось также, что Каролина Лёдвихова (здесь употреблялся именно такой вариант написания фамилии), урожденная Зелент, умерла 6 января 1920 года, а Ежи Лёдвих умер 15 июля 1933 года. Кроме Ирэны у Яна и Августы Флорентины была еще старшая дочь Хэлена и два сына — Эдвард и Ян. Последний из них умер в Житомире в октябре 1943 года, в возрасте около 22 лет. Как рассказала Ирэна, его убили на фронте, где он воевал в рядах немецкой армии.

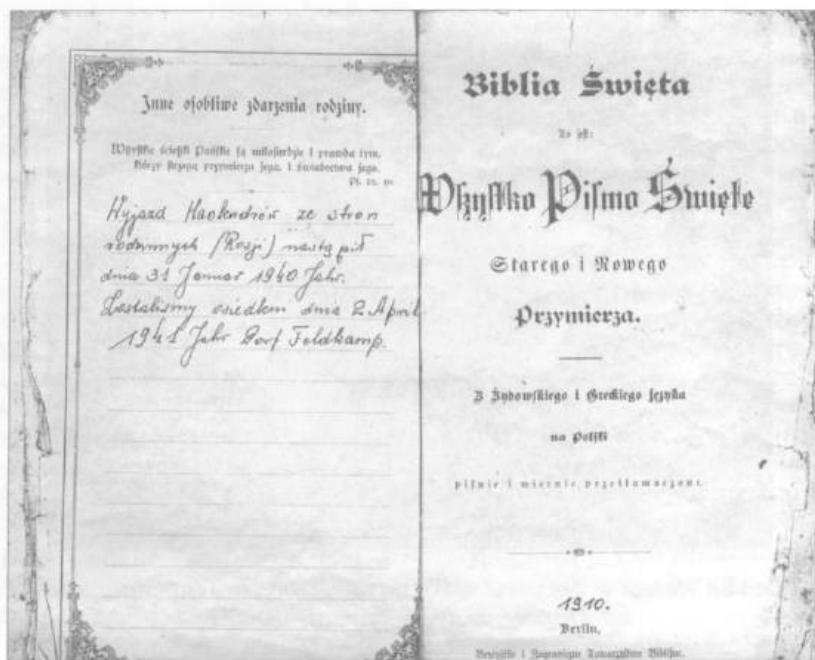
На отдельной странице под заголовком «Другие особые события семьи» находилась интересная запись, представляющая собой смесь польских и немецких слов: «Wujazd Haolendrów ze stron rodzimych (Rosji) nastąpił dnia 31 Januar 1940 Jahr. Zostalimy osiedlem dnia 2 April 1941 Jahr Dorf Feldkamp». В переводе на русский это звучит, как «Выезд Хаолэндров из родных краев (России) наступил 31 января 1940 года. Осели мы 2 апреля 1941 года в деревне Фельдкамп».

Семья Ивана и Августы Флорентины Людвиг (посередине во втором ряду — Ирэна), 1955 г.

Вот что рассказывает сама Ирэна Зирах об этом «особом событии» в жизни не только ее семьи, но и всех других бужских голендров. «Адольф Гитлер и Сталин заключили пакт и всем немцам позволили уехать оттуда. В 1940 году Адольф Гитлер сказал этим людям: „Возвращайтесь домой в отечество“. Поэтому-то они и покинули те места, где жили. Почти все уехали. Это было общее движение. Ехали на лошадях, со всем имуществом, груженным на подводы. Иногда люди везли с собой по 20–30 коров. Они не хотели уезжать и ехали с нежеланием. Особенно женщины были злы на Адольфа. Наша жизнь была бы лучше, если бы могли оставаться на прежнем месте. Но мы все-таки рады, что уехали, потому что тех, кто остался, потом отправили в Сибирь».

Когда началось переселение, Ирэне было всего три годика. Поэтому, конечно, ее рассказ — это не личное воспоминание, а пересказ слов других людей. Объясняя причины переселения, Ирэна показывает нам ксерокопию пропагандистской листовки тех времен. Она адресовалась бужским голендрам и убеждала их в принадлежности к немецкому народу, с которым настало время восстановить свое единство. «Если бы они не были немцами, — считает Ирэна, — Сталин не выпустил бы их с этих земель». Излагаемые в листовке

**Запись на странице семейной хроники в библии
Ивана Людвига**

факты она пересказывает, когда речь заходит об истории той группы, к которой она относит себя и своих родственников. Говорит, что в 1617 году 14 семей переселились на Буг из Восточной Пруссии, из района Данцига, по причине нехватки земли. От них и пошли все остальные поселения бужских голендров. Видно, что для нее эта версия происхождения является вполне приемлемой, но в целом она мало что может сказать по этому поводу. «Никто не знает, почему их называли holendry», — говорит Ирэна. В чем она уверена, так это в том, что поселения ее предков у Западного Буга и на Волыни являлись немецкими колониями. «Я немка, — говорит она. — Мы всегда были немцами».

Итак, в январе 1940 года привычный ход жизни этой семьи был нарушен, и наступило время скитаний. Первой временной остановкой стал переселенческий лагерь в Баварии. Оттуда спустя какое-то время их отправили в восточном направлении и поселили в Вартегау — административном районе, образованном немцами на территории оккупированной Польши. Там

им дали дом и ферму в деревне Фельдкамп в районе Познани, где они и прожили несколько лет.

В январе 1945 года с наступлением Советской армии многие немцы, жившие в этом регионе, бежали на запад. Среди них была и семья Людвиг. Одно время они жили в Саксонии. Однако там их приняли за причерноморских немцев, для поселения которых был определен совсем другой район. Ирэна вспоминает, что ее отец разъяснял бургомистру, кто они такие, тем не менее и оттуда они вскоре были вынуждены уехать. В 1953 году вся семья перебралась в Западную Германию и прочно осела в Дуисбурге. Здесь и провел последние шесть лет своей жизни Йоханн Людвиг, как его теперь звали согласно официальным документам. Именно так он и подписывал конверты, в которых отправлял письма в Пихтинск своему племяннику Зигмунту Зеленту.

Спустя пять дней после первого знакомства с Ирэной и Хансом Зирах мы вновь встретились в их доме. На этот раз здесь были не только сами хозяева, но и старший брат Ирэны, Эдвард Людвиг со своей женой Августой, а также их родственница Елена Тосс, в девичестве Людвиг. Эта встреча, кроме всего прочего, запомнилась мне своей сердечной эмоциональной атмосферой. Той некоторой настороженности и дистанции, которая ощущалась в первые моменты знакомства с супругами Зирах, на этот раз не было и в помине. Зато было много интересных и даже трогательных моментов, об одном из которых хочется вспомнить особо. Он произошел, когда все уже разоткровенничались, когда за столом царил шумный разговор и каждый хотел высказать свое мнение. Уже было сказано сакраментальное «мы всегда были немцами», после чего доказывать свою «немецкость» вроде как и не было необходимости. И вдруг в этот момент пожилой мужчина, до этого уверявший меня, что ни русского, ни польского он уже совсем не помнит, запел: «В Сибирь, в Сибирь, на каторгу...». Это была давняя песня, слышимая им в детстве от родителей, — и вот сейчас в памяти вдруг «всплыли» ее русские слова.

Память Эдварда Людвига, родившегося в 1925 году в Домачево, сохранила не только эту песню, но и впечатления прежней спокойной жизни до переселения. Он хорошо помнит, как собирал в лесу ягоды, с которыми мама потом готовила вареники, как ездили всей семьей в церковь, расположенную в 10–12 километрах в центральной колонии бужских голендров Нейдорф-Нейброве. Туда съезжались по большим церковным праздникам многие жители всех других колоний. Сами Людвиги жили у железнодорожной станции Домачево. Точно так же назывался

Семья Андрея и Анны Людвиг с детьми (слева направо) Марьяной, Брониславой, Михаилом. Село Забужские Голендры, 1930-е гг.

и ближайший небольшой город. Там, где они жили, кроме их дома и фермы стояло еще несколько домов. Хозяйством в основном занималась мама, поскольку отец весь день работал на станции. Многие его так и звали: «Людвиг со станции».

Школа, где учился Эдвард, находилась в семи километрах от дома. Часть пути школьники ехали на поезде, а часть — шли пешком. Иногда зимой брали с собой коньки и возвращались из школы домой, всю дорогу катясь по речному льду. Эдвард вспоминает, что и в школе, и в колониях все разговаривали по-польски. «Хоть это и была немецкая колония, — говорит он, — и все, кто там жил, были немцами евангелического вероисповедания,

но разговаривали они по-польски».

«Моя бабушка, — добавляет супруга Эдварда Августа, также родившаяся в Домачево, — немного по-немецки говорила. Она каждый вечер перед сном молилась по-немецки. Для нас, внуков, это было очень интересно — то, что бабушка говорит на другом языке. Мы прятались под кровать или в сундук и подслушивали. Но вообще говорить по-немецки запрещалось». Вероисповедание для нее, так же как и для Эдварда Людвиг, было одной из отличительных черт своей группы. «Поляки все вокруг были католиками, но все немцы из колонии — евангелической веры. Все они женились только друг на друге».

Сомнений в целесообразности переселения бужских голендров в Германию ни у Эдварда, ни у Августы не было. «Когда началась война, — рассказывает Эдвард Людвиг, — пришла в колонию комиссия. Говорят: „Если вы — немцы, вы должны ехать в Германию“. Некоторые не согласились, сказав: „Нет,

Deutsches Reich

Einbürgerungsurkunde

D --- Andreas Ludwig
in Wickingen, Krs.Lissa, geboren am 4. September 1882
in Stulno, sowie seine Ehefrau
Anna
geborene Kunz

- 1. -----, geboren am ----- in -----,
- 2. -----, " " " " " "
- 3. -----, " " " " " "

haben mit dem Zeitpunkt der Aushändigung dieser Urkunde die deutsche Staatsangehörigkeit (Reichsangehörigkeit) durch Einbürgerung erworben. Die Einbürgerung erstreckt sich nur auf die vorsehend aufgeführten Familienangehörigen.

Posen, den 7. März 1944.

Der Regierungspräsident

Im Auftrage
Gumbert Lührs

Gebühr: entfrei

Tgl.Nr. I St. 112/6-45/L-43-150941

K
B

Документ, подтверждающий немецкое гражданство
Андрея и Анны Людвиг. 1944 г.

это мой дом, я остаюсь здесь". Семь семей из всей колонии остались. Позже они были депортированы в Сибирь (думали, а вдруг они шпионы?). Все же остальные уехали в Германию. Мы должны были ехать. Все жили вместе, все были немцы евангелического вероисповедания».

Таким образом, для моих собеседников представление о немецком происхождении их предков было на тот момент времени основой этнической самоидентификации. Совсем по-другому обстояло с восприятием их теми людьми, которые стали после переселения в Германию непосредственными соседями. Об этом парадоксе чужеродности, как на прежней, так и на вновь обретенной родине, Августа Людвиг сказала так: «Поляки называли наших колонистов „швабами“. Только так. А когда мы приехали в Германию, то все вокруг называли нас „поляками“, потому что мы не могли говорить по-немецки».

...Уезжали голендры все вместе единым потоком. Но потом, за годы войны и послевоенных мытарств, разошлись в разных направлениях и уже не были едины, как когда-то на Буге. Вместе с пожилыми людьми стали уходить из их жизни и прежние обычаи. Все чаще женились уже не на «своих», а прежние «голендровские» свадьбы с их трехдневным размахом и строгим распределением ролей участников все больше отходили в область преданий. Когда в 1959 году Иван Людвиг получил в письме из Пихтинска свадебную фотографию, то для него она была напоминанием о хорошо знакомом, но уже ушедшем из его жизни явлении. Отвечая своим сибирским родственникам, он сердечно благодарил за «карточку в униформе свадьбы», говорил, как радостно ему было ее увидеть, ведь «и у нас так само прежде было». И сваты с платками на боку, и невеста в чепце — все это было, да прошло, и «чыпцы вже давно у нас позабыли».

ТЁПХИН

Еще в Пихтинске я слышала историю об одном переселенце, который по воле обстоятельств почти десять лет находился в разлуке с семьей. Вместе с родителями жены, с ее братьями и сестрами он жил на Пихтинском участке. Сама же супруга и двое детей оставались на Волыни. Вначале предполагалось, что они приедут к нему чуть позже, когда он обустроится на новом месте. Но началась мировая война, затем революция и Гражданская война — и этим планам не суждено было сбыться. Неизвестно, сколько бы лет супруги жили порознь, если бы родители той женщины чуть ли не силком не

отправили бы своего незадачливого зятя обратно к жене. Так он больше в Пихтинск и не вернулся.

Вся эта история казалась такой давней и далекой от сегодняшнего дня, что я и предположить не могла, что встречу с ее участниками. Но именно так и произошло, потому что Бронислава Людвиг, или, как теперь ее звали, Брунхильда Загнер, писавшая письма в Тыреть, и ее сестра Марьяна оказались дочерьми того самого переселенца Андрея Людвига. Бронислава родилась в 1924 году, уже после того, как Андрей вернулся к жене в родные Забужские Голендры, а старшая Марьяна появилась на свет в 1913-м еще до начала всей этой истории.

Неутомимый Ханс Онкельс помог мне и на этот раз. Именно он по адресу с конверта нашел в телефонной книге Тёпхина домашний номер Брунхильды Загнер, созвонился с нею и договорился о нашей встрече. Правда, из разговора с ним фрау Загнер поняла, что к ней приедет родственница из Пихтинска. Поэтому в первые мгновения она пытливо всматривалась в мое лицо, а потом напрямую спросила, по какой же именно линии идет наше родство. Если мой ответ и разочаровал ее, то она никоим образом не показала этого. Радушие, с которым эта женщина встретила нас, было таким искренним, что первоначальные планы пробыть в ее доме несколько часов изменились. Друзья, сопровождавшие меня в этой поезд-

**Брунхильда Загнер (урожденная Бронислава Людвиг)
с сестрой Марьяной. Тёпхин, 1995 г.**

ке, уехали в тот же вечер обратно в Берлин, а я осталась у Брониславы еще на одни сутки.

Жаль, что формат статьи не позволяет рассказать об этой встрече подробно. Пересказ всего, что я услышала от Брониславы, занял бы немало места. Мы много разговаривали и о прошлом, и о настоящем. Языкового барьера, к счастью, практически не было. Моя собеседница довольно хорошо говорила по-русски, что вполне объяснимо, если вспомнить, что она многие годы прожила в ГДР. Вкрапления в ее речь то немецких, то польских, то украинских слов не мешали нашему взаимопониманию, а лишь придавали беседе особый колорит.

Напоследок я предложила Брониславе записать на диктофон приветствие ее сибирским родственникам, чтобы потом, когда я снова буду в Пихтинске, передать им это звуковое письмо. Так мы и сделали. Забегая вперед, скажу, что это был по-настоящему волнующий момент. Надо было видеть, с каким вниманием слушали эту запись люди, собравшиеся в Пихтинском сельском клубе. Среди них были и двоюродные сестры Брониславы Эмма и Зоя Кунц. Их фотографии, сделанные лет 30 назад, я видела в альбоме у Брониславы в Тёпхине. Хранила она и многие письма, приходившие из Сибири. Самые ранние из них датируются 1930-ми годами, самые поздние — 1990-ми.

Деревня Забужские Голендры, где она родилась и прожила 16 лет, были одной из колоний бужских голендров. Так же, как и Нейдорф-Нейбров, поселение располагалось на берегу Западного Буга, но в 50 километрах южнее. Еще в 40 километрах к югу находилось Замостече, где, как говорит Бронислава, «тоже много наших жило». Слово «наши» по отношению ко всем другим представителям группы, для обозначения которой мы используем оборот «бужские голендры», характерно для ее речи. Как и Ирэна Зирах, Бронислава не много могла рассказать о том, кто же такие голендры. «У нас говорили — голендры, что, может, с Голландии... Но кто там зашел, как — не знает никто. В школе говорили, 400 лет назад это было, но я не знаю ничего — сколько лет наши на Волыни жили».

В самом начале разговора прозвучала фраза: «Wir sind Wolhynien Deutsche» — «мы волынские немцы». Чуть позже, когда речь зашла о переселении в Германию, эта тема вновь появилась в разговоре. На вопрос, почему ее родители уехали из Забужских Голендр, Бронислава ответила: «Это было общее движение. Все немцы возвращались на родину». «А они были немцы?» — уточнила я и услышала в ответ: «Да. Мы всегда были немцы. Мы были немцы, лютеране-евангелики. У нас была своя церковь».

Лодзь, Мюнхен, Эрланген, Познань — таков был маршрут,

который семья Брониславы вместе со многими другими переселенцами из бужских колоний проделала в 1940 году. Под Познанью на несколько лет задержались. «Там я свою дочь родила, — вспоминает Бронислава. — Муж был тоже с нашего села. Поженились мы в 43-м, только год прожили. В 1944 году он пропал без вести на фронте». Второй раз она вышла замуж за Херберта Загнера уже после войны, в Тёпхине, куда приехала с родителями в 1946 году. Там они вместе много лет проработали на одной фабрике и на момент нашей встречи находились на пенсии.

Вспоминая о первых годах после переселения, Бронислава говорит: «Мы выехали с дому — по-немецки ничего не понимали. „Хайль Гитлер“ все говорили, ну и мы стали тоже так говорить... В польских метриках я — Бронислава. Когда здесь стали спрашивать — я сказала „Брунхильда“. Меня сейчас кличут и Броня, и Хильда. Когда у русских работала (здесь часть военная стояла, мы там работали, амуницию чистили, гранаты) — то Броней звали... Мы стали в русской армии работать и стали по-русски говорить, а так все больше по-украински. По-немецки сейчас читать, писать могу, но как я стану говорить по-немецки — сразу узнают, что я не отсюда».

Имена и адреса многих бывших односельчан и выходцев из других бужских колоний хранятся у Брониславы в записной книжке. С одними она изредка встречается, с другими поддерживает переписку. Знает, что к кому-то из них приезжали из Сибири родственники, может быть, даже и из Пихтинска.

Позже я узнала и о других ниточках, связывавших Пихтинск с голендрами, живущими сегодня в Германии. Говорили и о том, что выходцев из бужских колоний можно встретить и во многих других странах мира, причем не только в Европе. Конечно, было бы интересно узнать о них побольше, встретиться также и с кем-то из них... Но это была бы уже совсем другая история. Возможно, что она еще будет написана.

INHALTSAUSGABE

Natalia Galetkina. Nach den Spuren der alten Briefe.

Die Verfasserin erzählt über ihre Reise nach Deutschland im Herbst 1995 im Zusammenhang mit einigen Briefen in Russisch und Polnisch, die in den Familien der Pichtiner Holländer seit Ende der 1950-er Jahren aufbewahrt waren. Diese Briefe kamen aus der deutschen Stadt Duisburg vom Jahn (Johann) Ludwig an und waren für seinen Neffen Sigmunt Selent bestimmt. Sie erzählt auch über das Schicksal der Bugholländer, die nach Beginn des zweiten Weltkrieges nach Deutschland übersiedelt sind.

О ПИХТИНСКЕ В ПИХТИНСКЕ

*Отец Игнацы Павлусь,
гражданин Польши,
настоятель прихода Успения Богородицы,
глава Иркутского деканата римско-
католической епархии Св. Иосифа*

*

Первую неделю июля 2004 года я провожу в деревне Пихтинск Заларинского района. Не скрываю, что мне очень нравится это место. В нем нахожу то, что люблю: чистый воздух, красивый лес, большой луг, пересеченный горной рекой, небольшое озеро, в котором в летнюю жару приятно искупаться, и, прежде всего, люди несказанной доброты и честности. Жителей этой местности принято называть пихтинцами. Большинство из них живет скромнее, чем люди иных деревень, которые посещаю. Но такого тепла человеческих сердец, как там, я в иных местах не испытываю.

Сколько лет знаю эту заброшенную в тайге деревню? Почти десять. Круглую дату отмечу вместе с ними в феврале следующего года.

* *

Мой портативный компьютер стоит на широком подоконнике одной из красивейших местных избышек. Она не похожа на дома типичных русских деревень. В ней отражается дух загадочных людей, проживающих здесь девяносто лет. Кто они? Немцы ли, голландцы ли? Даже сами пихтинцы не знают точного ответа на эти два вопроса. Их собственная история слишком запутана, а память людей коротка. Иногда местные долгожители говорят: «Наши отцы сказали бы больше, им было виднее». Большинство тайн истории потомков переселенцев из Волыни ушло с предками в могилу. Еще несколько лет назад жили здесь старики, знавшие и творившие историю Пихтинска с самого начала. Тогда можно было накопить так много данных на основе воспоминаний очевидцев. Заняться этим было сложно. Маленькие и большие этносы страны сливались в один могучий советский народ. Надо думать о будущем, не о прошлом. Сейчас жалко позабытого. К счастью, в минувшее десятилетие появились энтузиасты, занявшиеся всерьез реконструкцией исто-

рии Пихтинска. Благодаря их усилиям процесс пошел. В какую сторону он идет? Точно не знаю. Наверное, собираются материальные следы о прошлом пихтинцев. Гораздо меньше изучаются предания о них. Вопросительный знак можно поставить над гипотезой, что они голендры (голландцы). Сколько из них жило в волынской деревне Олендры? Их предки (ходоки) приехали сюда из таких деревень, как Замостече, Новины и Дагник. Удивляет отсутствие типичных голландских фамилий. Все они немецкие. Наверное, будущее принесет нам больше достоверной информации об этих загадочных людях.

* * *

Через окно избушки вижу зеленую стену леса. Впереди — березы, позади — сосны. Создается впечатление, как бы первые стали матерями вторых. Березы заботливо обнимают ветвями сосны, защищая их от злых ветров и мучительной жары. Большинство местных деревьев помнит, кто и как строил в сибирской тайге таинственный треугольник: Замостече, Новины с Тулусином и Дагник, т. е. копии покинутых в Волини деревень. Позже советские картографы переименовали их на Пихтинский и Средний. Нетронутым остался Дагник. Что бы об этом сказал лес? Он молчит. А может быть, природа говорит, только мы ее не слышим.

Как я попал в это таинственное место? Какая судьба привела меня сюда? Я поставил эти вопросы самому себе тогда, когда налетел небольшой ветерок. Увидев качающиеся деревья, мне захотелось выйти на крыльцо дома и послушать, как поет лес. Он пел тихо, почти шепотом, но так красиво, что я забыл о настоящем и погрузился в прошлое. Прошли минуты, и понятными стали силы, приведшие меня в эти места.

Это был, наверное, 1993 год. В один осенний день я начал читать полученное только что письмо. В нем было написано примерно так: «Здравствуйте, отец Игнатий. Пишет вам Адольф Кунц из Среднего. Наши предки жили когда-то в Польше. Позже они приехали жить в Сибирь. Все были лютеранской веры. Они даже без пастора проводили набоженьства (богомоления). Мы также по воскресеньям и праздникам собираемся на молитву в Пихтинске. Молимся, поем и читаем проповедь по-польски. В деревне люди говорят по-«хохлацки» и по-русски. По-польски только читаем. Сейчас не весь народ молится так, как наши предки. Многие отошли от нас к баптистам, пятидесятникам и свидетелям Иеговы. Про Вас я узнал из газеты. В ней была статейка о том, что Вы священник, приехавший из Польши служить в Иркутске. Мы Вас просим взять нас на свое

Отец Игнацы среди пихтинских жителей. 1995 г.

попечение. Если сможете послать нам какую-нибудь религиозную литературу, мы будем Вас благодарить. Мы Вас приглашаем в деревню. Приезжайте к нам в гости. Адольф Кунц». В тот момент я мог лишь только ответить на письмо и отправить по почте его автору несколько экземпляров Библии. Мне хватало работы в Иркутске и иных местах, в которых недавно возродились католические общины. Им прежде всего нужно мое пастырское внимание, время, силы, забота. В то время мне так казалось. Могло ли мне прийти тогда в голову, что лютеране из Пихтинска будут так усердно добиваться встречи со мной?

Через окно вновь гляжу на небо. Ветер дует с западной стороны и прогоняет черные, дождевые тучи на восток. Дуй, дуй сильнее! Пусть вернется к нам солнце! Сено хочет сохнуть, крестьяне готовы складывать его на сеновал, дети мечтают сходить на речку или озерко, чтобы искупаться и позагорать. От ветра стало прохладно. Холод проники в избушку. Накинув на себя куртку, я вспомнил мой первый визит в Пихтинск. Тогда была лютая февральская зима 1995 года. Ему предшествовало событие, ускорившее мою поездку сюда. В декабре 1994 года в Среднем была проведен историко-художественный вечер «Кто мы? Откуда мы?». Не знаю, какие боги привели на него господина Евгения Вржаща — председателя Польского культурного общества «Огниво». Не знаю также, кто спросил его: не знает ли он о. Игнатия. Евгений Эдуардович ответил, что знает меня.

За этим встречным вопросом пошли и другие. В итоге он вынужден был дать обещание, что привезет меня в Пихтинск. Надо отдать ему должное: мой визит в Пихтинск состоялся.

В избушку вошли дети. Через мое плечо заглядывают на монитор компьютера и пробуют читать этот текст. Андрияша Кунц, прочитав несколько строк, спрашивает: «Вы приезжаете к нам с 1995 года?» Отвечаю: да. «А мне тогда было больше годика», — добавляет парнишка. Такие его неожиданные вопросы прерывают мою мысль. Спасает меня то, что в компьютере сохраняется текст «Приходской хроники». В ней записано все. Можно свободно ее цитировать:

«19 января. Четверг. Примерно в 10 часов утра о. Игнацы приехал поездом из Новосибирска в Залари. На вокзале встретили его: прибывший на час раньше из Иркутска председатель „Огнива“ Евгений Вржаш, директор Заларинского музея Галина Николаевна Макогон и ее сотрудница Мария Анатольевна Пяткова. Оттуда они отправились на микроавтобусе в музей, где был устроен завтрак. Вдруг появился там заместитель мэра Заларинского района Сергей Михайлович Наумов, человек неболь-

Сестра Божена Фуляра в Пихтинске. 1995 г. Слева направо: А.М. Кунц, сестра Божена, Л.Г. Кунц, Э.И. Кунц, Е.Г. Людвиг, А.М. Гильдебрант, Е.И. Гимбург

**Иван Михайлович и Зоя Михайловна Людвиг в своем доме.
Средний Пихтинск. 1998 г.**

шого роста, но атлетического телосложения. Оказалось, что он активно занимается спортом. Когда-то ему удалось успешно выступать на мате по греко-римской борьбе. Он не крещен, но к религии относится положительно. Он приветствует намерение о. Игнацы обеспечить духовные нужды пихтинских лютеран.

После завтрака и беседы эта же группа вновь села в микроавтобус и отправилась в Пихтинск. Туда ведут две дороги. Самая короткая — через тайгу дорогой на Черемшанку. Опасаясь сугробов, шофер избрал более длинный маршрут через Тагну и Хор-Тагну. Благодаря хорошим атмосферным условиям стали видны покрытые снегом вершины Саянских гор. Мы приехали в Пихтинск, когда почти начались сумерки. Микроавтобус остановился у забора усадьбы Иосифы и Мартина Людвиг. Их деревянный дом стоит в начале деревни со стороны Среднего. Увидев нас, собака подняла невыносимый лай. Хозяева встретили гостей на пороге дома и приветливо пригласили заходить до хаты.

Большая комната была переполнена людьми. Они приехали сюда на санях, мотоциклах и машинах из Среднего и Дагника. Большинство составляли пожилые люди. Все горели желанием встретить «пастора» и молиться вместе с ним. Они почти год ждали этой встречи... Входя в комнату, о. Игнацы приветствовал всех по-польски: „Нех бендзе похвалёны Езус

Христус". Приятно было видеть и слышать, как Зоя Людвиг ответила по-польски: „На веки векув. Амэн“. Откуда у лютеранки знание типично католического приветствия? Она помнит его с детства. Видимо, среди приехавших туда волынских немцев были также католики. Потом они слились в единую лютеранскую общину. Старики помнят, что один раз приехал к ним пастор из Иркутска. Точной даты не помнят. „Это случилось еще до Великой Отечественной войны“, — говорят.

Отцу Игнацы приятно было познакомиться с народом, особенно с Адольфом Кунцем. Это он отправил письмо в Иркутск к католическому священнику. Люди обнимали о. Игнацы, целуя его в щеки или в правую руку. Потом началось богослужение. Его участники развернули свои старинные молитвенники, завернутые в чистые платки. Все песни и молитвы написаны готическим шрифтом, но на польском языке. Люди поют и читают по-польски плавно, хотя интонация и произношение слов другие. Польскую букву „рз“ выговаривают „рж“. В короткой проповеди о. Игнацы выразил радость, что сбылась общая мечта о встрече. „Вы приняли меня как своего человека, как брата и пастора, — сказал он. — Это для меня вызов и обязанность. Чувствуете ли, как рождается наша дружба, чувствуете, что мы любим друг друга? Мне кажется, что мы знаем друг друга не

*Рудольф Андреевич и Эмилия Михайловна Гильдебрант.
Пихтинск. 1998 г.*

Анеля Михайловна Гильдебрант. Пихтинск.

Фото Ю. Лыхина, 2004 г.

час, а годы. Я даю вам свое новое обещание: буду приезжать к вам один раз в месяц. Дату своего приезда сообщу по телефону Петру Мартыновичу, председателю вашего совхоза"... После „набоженьства“ его участники были приглашены ужинать в дом Эдуарда и Лидии Кунц. Стол был очень богатый, а запах копченки очень привлекательный. Во время застолья всех удивила знанием многих песен пожилая Анеля Гильдебрант. Она и о. Игнацы создали мгновенно дуэт и спели несколько колядок...

20 января. В 10 часов о. Игнацы отслужил литургию. После нее он вместе гостями посетил дом Ивана Гильдебранта. Обед у Альвины Зелент и Ивана Гильдебранта. Потом в Залари встреча с мэром Петром Гавриловичем Марчуком. Он за возрождение духовности и религии, а также за сотрудничество власти и религиозных организаций в социальных вопросах района. Однако эту интересную беседу надо было закончить, так как пошло время отъезда в Иркутск.

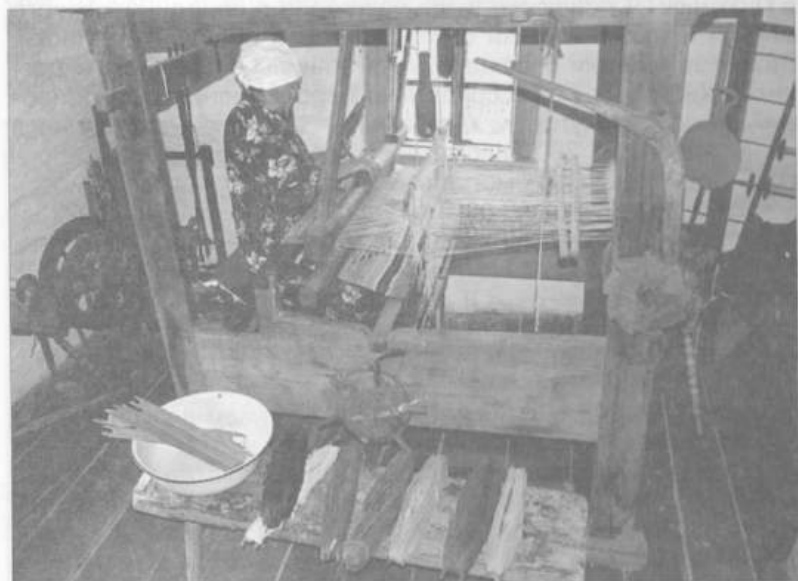
После приезда домой я рассказывал всем о Пихтинске и нашел путь к Ивану Зигмунтовичу Зеленту, председателю Законодательного собрания Иркутской области. Пихтинцы гордятся им. Он один из них, он из Среднего, он прославил их...».

Однажды в моей голове появилась новая идея: напишу письмо главе лютеранской церкви в Польше, которым в то время

был епископ Ян Шарек. «Он мой земляк и поможет нам», — подумал я. Сидя за письменным столом, мне удалось подготовить письмо. Его главный тезис: возьмите на попечение общину лютеран в Пихтинске, пошлите туда религиозную литературу и, если возможно, пастора. Ответ на мое письмо пришел после нескольких месяцев в первые дни 1996 года. Письмо епископа Яна было длинное, но теплое, братское. Он меня поблагодарил за опеку над общиной лютеран в Пихтинске и обещал послать катехизисы и молитвенники, но добавил, что на приезд пастора мы не можем рассчитывать, ибо у него нет достаточных кадровых ресурсов. Автор письма обещал поговорить на эту тему с лютеранским епископом из Санкт-Петербурга.

* * * * *

Под одеялом темной ночи деревня спит. Тишина такова, что слышу собственное дыхание. Тучи закрыли звезды. Собачий лай кого-то призывает или предупреждает. Горит монитор моего компьютера. Работаю в его свете. Не хочется спать, хотя почти полночь. Мысль продолжает бродить в воспоминаниях. Вспоминаются разные эпизоды, связанные с поездками

**Альвина Адольфовна Зелент за ткацким станком. Пихтинск.
Фото Ю. Лыхина, 2004 г.**

«Каникулы с Богом». Служба перед школой. Пихтинск. 2004 г.

в Пихтинск. Я приезжаю сюда регулярно в середине каждого месяца, а также в связи с Рождеством и праздником Пасхи. Во время поездки посещаю также общины в Среднем и Дагнике. Много лет моим средством передвижения был рейсовый автобус Иркутск — Хор-Тагна — Иркутск. Расстояние в одну сторону — 300 километров. Хорошо помню вежливого водителя Мишу. Он помогал мне высадиться у старого моста в Хор-Тагне всегда в 19.00. Там ждал меня Роман Людвиг или его сын Сергей. Их машина привозила меня всегда в гостеприимный дом Эдуарда и Лидии Кунц. В Среднем и Пихтинске встречали меня бабушки и дети, маша приветливо руками. Я отвечал им таким же образом, посылая добавочно воздушные поцелуи. В доме Эдуарда и Лидии ждали меня теплый ужин и хорошая койка. После крепкого сна я начинал работу в Пихтинске, Среднем и Дагнике. Дети с вниманием вслушивались в библейские истории, после них взрослые собирались, чтобы участвовать в богослужении. После общей молитвы мы встречаемся по очереди в домах за столом. Древняя христианская идея организовать такие «агапы» возникла спонтанно и продолжается до сих пор. В ней участвуют все желающие. Во время агапы можно не только вкусно поесть, но еще и поговорить о том, чем мы живем, а также спеть наши любимые песни на польском и русском языках.

Неоднократно вместе со мной приезжали сюда гости. Это были прежде всего журналисты из России, Германии, Швейцарии, Голландии и Польши, а также деятели благотворительных организаций. Плодом этих визитов были статьи в прессе этих стран, а также материальная помощь для детей и местной школы. Таким образом многие люди в Европе и России узнали о существовании пихтинцев. Иногда я приезжал в Пихтинск с католическими священниками и монахинями, а также с лютеранскими пасторами. Один раз, в сентябре 1995 года, навестил это место апостольский администратор для католиков азиатской части Российской Федерации епископ Иосиф Верт из Новосибирска.

Конечно, для меня наиболее важными были визиты лютеранских пасторов. Весной 1996 года позвонил мне из Новосибирска о. Ежи Карпинский, настоятель общины иезуитов. Во время беседы я узнал, что ко мне приедут новосибирский лютеранский пастор Всеволод и его дьякон Даниил. Эта информация меня искренне обрадовала. После их приезда в Иркутск они вместе со мной отправились в Пихтинск. Они встретились с общиной и совершили богослужение. Пастор Всеволод произнес проповедь на хорошем русском языке. Он сам русский, и его речь даже не надо сравнивать с моей. Народ принял гостей из Новосибирска с характерной сердечностью. Но когда мы прощались с ними, старики говорили мне шепотом: «Отец, Вы нас не оставляйте». Мог бы я оста-

Река Тагна. Пихтинск. Фото В. Тихонова, 2004 г.

вить моих пихтинцев? Между нами не только любовь с первого взгляда. Нас связывают еще обстоятельства. Гости из Новосибирска сказали честно, что они не возьмут в попечение эту общину. Она для них не является перспективной. Их интересуют Улан-Удэ и Красноярск. Эти места более надежные. Аргументы моих гостей понятны, но не до конца.

Еще более интересным оказался приезд в Пихтинск пастора из города Майнц в Германии Фридриха Гербера. Он приехал в Иркутск в поисках лютеран, но в первую очередь нашел меня. Моя квартира стала на несколько дней его домом. Кроме того, у меня были возможности связать его с обществом немцев «Видегебурт». Благодаря этим контактам ему удалось провести две молитвенные встречи с несколькими иркутскими лютеранами в часовне, находящейся в польском костеле. В один прекрасный летний денек 1997 года пастор Фридрих отправился со мной в Пихтинск. В роли переводчика поехал туда молодой иркутский студент иняза Василий Яшкинас, принявший недавно в Санкт-Петербурге крещение в лютеранской церкви. На месте свершились богослужение, агапа и личные беседы пастора с членами общины. Приятно было смотреть, как высокий и седой пастор приветливо обнимал братьев и сестер в вере. Только в объятиях очень высокого Эдуарда

На кладбище. Дагник. Фото Ю. Лыхина, 2004 г.

Кунца он стал на позиции мыши, смотрящей на слона. Наш гость — хорошо образованный человек, прекрасный знаток богословия, разбирающийся в православной и католической догматиках. Его статьи печатаются в журналах Германии. Он известен в Польше. Как человек сердца пастор Фридрих ищет прежде всего человека как человека. Он не воспринимает его ради расовых, культурных и религиозных ценностей. Первым является человеческое достоинство. Это ценность сама по себе. Религия не отлучает от толерантности. Будучи любителем фотографии, снимал людей в разных ситуациях. Не обошлось без групповой фотографии. Пастор обещал послать в Пихтинск копии в соответствующем количестве. В иных обещаниях был весьма осторожен. Это правильный подход. Зачем вызывать у людей надежды, которые, возможно, позже превратятся в разочарование? Нас обрадовало, что в Санкт-Петербурге он поговорит о нашей общине с лютеранским епископом. Пихтинским старикам очень понравилась встреча с немецким пастором, хотя было одно «но». «Переводчик говорил так тихо, что мы не все смогли понять», — сказали мне позже.

* * * * *

Моя нынешняя пихтинская ночь уже давно достигла своего апогея. На востоке через темные тучи пробивается свет. Этот знак обещает новый день и стоящие впереди встречи, происшествия и тайны. Быть может, в них откроется мне новая частица истории тех, которые здесь живут и веруют. Я немножко устал. Все-таки пойду ложиться спать с чувством неудовлетворенности: в этой краткой статье мной не охвачено духовное богатство жизни, которое здесь накопилось.

Предо мной еще два дня отдыха в моем Эдеме. Потом я — «перелетная птица, улечу, чтобы возвратиться».

Да сохранит Бог все, что составляет это прекрасное место, на многое лета!

Пихтинск, 6–7 июля 2004 г.

INHALTSAUSGABE

Vater Ignazy Pavlus. Über Pichtinsk in Pichtinsk.

Ein polnischer katholischer Pfarrer, der Leiter des Irkutsker Dekanats der römisch-katholischen Eparchie des Heiligen Josephs, erzählt über seine Bekanntschaft mit der Gemeinde der Pichtiner Holländer, über seine Reisen zu ihnen und über seinen Umgang mit den Bewohnern von Pichtinsk in den letzten 10 Jahren.

О МОЕЙ ЖИЗНИ

Зигмунт Андреевич Зелент

Основу любой семьи создают именно те два человека, которые решают соединить свои жизни в единую супружескую пару. Я считаю, что нам очень повезло с нашими родителями. Мы росли в большой семье, в которой, кроме меня, было еще десять детей. Когда мы уже выросли и многие из нас уехали из Пихтинска, мы все равно продолжали оставаться одной большой и дружной семьей. В 1968 году, на 60-летие отца, мы вновь собрались все вместе — уже со своими собственными семьями — супругами, детьми. Конечно, это была большая радость, шум, застолье. Много пели, пример в этом показывал отец, который очень хорошо пел польские, украинские и русские песни. Говорили о настоящем, вспоминали прошлое, слушали рассказы отца. Именно тогда зашел разговор о том, чтобы все это записать. «Ну, ты напиши хоть что-то», — говорили мы тогда отцу. Он молчал, но потом все же начал писать. Так появились эти воспоминания, которые я отпечатал и хранил у себя. Долгое время они так и лежали в семье, а потом текстом заинтересовался районный краеведческий музей поселка Залари и попросил копию для себя.

Конечно, отец написал только то, что мог тогда написать. В разговорах было больше, но думаю, очень многое мы от него так и не узнали. Сказывалось еще долго на нашей жизни то, что нас считали немцами. Люди боялись поддерживать связи с родственниками за границей, боялись ворошить прошлое. «Не трогайте прошлое» — такое я тоже слышал от отца. Только в конце жизни отец рассказал нам о том, что наш дед перед последним уходом из дома предупреждал о своей возможной смерти, предвидел такой исход дела. То, что его тогда же, в 1938 году, расстреляли, мы узнали лишь в 1990-х годах. До этого знали только одно — работал на шахте 5-БИС в городе Черемхово, там и погиб. Мы чувствовали, что что-то не так было, но никто особо не хотел раскапывать эту тему.

Несмотря на понятную неполноту воспоминаний, они открывают нам завесу прошлого, позволяют более глубоко осознать нашу историю, а с публикацией их в этом журнале дадут пищу для дальнейших поисков и исследований.

Иван Зигмунтович Зелент

Моя жизнь, Зигмунта Андреевича Зелента, складывалась и проходила следующим образом. Родился 22 января 1908 года в деревне Новины Гуцанской волости Владимир-Волынского уезда Волынской губернии. В 1912 году мои родители, Андрей Михайлович, Екатерина Ивановна Зелент, и сестра Юля переехали на постоянное местожительство в Пихтинск-Дагник. Жили временно у дяди Пастрикола, который приехал на полтора года раньше.

Строиться решили в огромном лесу, около болота, в трех километрах от Дагника, вместе с дядей Михаилом Людвигом, производили раскорчевку леса, тут же строили временный дом, впоследствии его называли «старый дом». За одно лето построили одну избушку, на две семьи купили одну корову, вместе пилили лес продольной пилой на брусья, доски, корчевали пни, копали землю для огорода. За лето 1913 года построили себе сруб дома и покрыли его, к зиме купили сообща лошаадь, заготовливали шпалы и вывозили их на берег реки Тагна, а за хлебом ездили на базар в село Троицкий Завод за 50 километров.

Зигмунт Андреевич и Юзофина Мартыновна Зелент с детьми (слева направо) Юзофиной, Иваном, Елизаветой. Вторая половина 1940-х гг.

В 1914 году началась война с Германией, и с 1 января отца взяли на военную службу, мы остались с мамой трое. Весной подохла лошадь, остались без коня.

Летом 1915 года соседи построили дом, а на зиму мы вошли в свой собственный дом! Мама занималась огородом, сеяла лен, ткала холст, одевала нас, учила меня считать и писать, мы тоже помогали ей во всех домашних делах.

Когда отец в 1918 году вернулся, у нас было две коровы, одну продали и купили себе лошадь и да на двоих с соседом один плуг. Летом занимались полевыми работами, а зимой заготавливали лес, шпалы и другой пиломатериал.

В 1925 году умер наш учитель, служитель культа Вильгельм Гильдебрант. Общим сходом было единогласно решено это дело передать моему отцу, и он приступил к выполнению этих функций.

В 1926 году наше хозяйство: одна лошадь, две коровы, один поросенок, и семья четыре человека. Меня женили, стало нас пять человек. Жена привела свою корову. В 1927 году семья стала семь человек. Жили вместе, трудились сообща. Я с отцом в лесу, жены дома пряли, ткали холст, шили одежду и т. п.

В 1929 году отцу дали твердое задание — сдать столько хлеба, сколько у нас не было. Мы часть сдали и думали о следующей части, но через месяц, в октябре, арестовали отца и меня, и отправили нас на лесопильный завод в город Зима, а хозяйство конфисковали и забрали всё: две коровы, одну лошадь рабочую и жеребенка двухлетнего, поросенка, птицу, зерно, картошку. Мы так и работали на лесозаводе: носили доски, грузили вагоны. Зарплата была маленькая, жили в бараке, а в 1931 году меня отпустили домой, где была семья шесть человек, их надо было кормить, одевать. Осенью сходил в тайгу на добычу кедровых орехов, добыл хорошо, возил в деревни и менял их на хлеб. Весной 1932 года купил лошадь с упряжкой, дядя сделал телегу, и нам стало жить легче, так как можно было огород пахать, боронить, сеять, ездить по деревням за покупкой хлеба, ездить приходилось до 100 и более километров.

Отец в это время уже работал в шахте 5-БИС города Черемхово, и я ездил на лошади к нему, там тоже с большим трудом доставался каждый кирпичик хлеба, были очень большие очереди. В мае месяце 1938 года ночью отца с шахты забрали, а куда — до сих пор неизвестно.

Зимой приходилось работать в Тагне на скипидарном заводе на вывозе смолья. Весной 1935 году умерла мама, я

Семья З.А. и Ю.М. Зелент:
верхний ряд (слева направо) — Нина Леонтьевна (жена сына Густава), Густав Зигмунтович, Юзофина Зигмунтовна; в центре — Михаил, на первом плане — Юрий. Вторая половина 1950-х гг.

засеял все поле, летом корчевали для покоса, потом косили сено, а в августе 1935 года с женой в числе первых вошли в колхоз имени Мичурина. Сдали в колхоз весь посев — 2,5 гектара, покос, лошадь со всем инвентарем. Себе осталась одна корова, поросенок, курицы, и семья семь человек, из которых двое трудоспособных. И так стали работать в колхозе на трудодни, средний заработок был за один день — один трудодень, день был не ограничен — полностью световой день. На один трудодень в конце года приходилось получать по 800 граммов зерна и по 40 копеек деньгами. Для нашей семьи этого было далеко

не достаточно. Осенью нас отправляли в тайгу на заготовку орехов, за плановую сдачу орехов нам начисляли трудодни, а за сверхплановые орехи — 1/2 давали рабочему. Таким образом, мне досталось два центнера, чем я снова подкрепил свою семью.

Зимой в селе был организован ликбез, где я учился по-настоящему после работы по два часа каждый день, керосиновых ламп или керосина не всегда хватало, тогда освещались за счет свечек или поочередно жгли лучинки.

Ежегодно на зимний сезон, с 1 октября по 1 апреля, нас от колхоза отправляли на заготовку и вывозку леса на участки Таежный, Сарам, Русь, Бомы и др., за это тоже начислили

трудодни и 10 % с заработка денег. Там же, в бараках, тоже проводили ликбез.

В марте 1942 года нас всех в организованном порядке сняли с заготовки леса и по приказу военкома направили на защиту Родины. В один день с нашего маленького колхоза было отправлено 65 человек, в деревне остались лишь старенькие да маленькие и лично моя семья с женой 9 человек. С Заларинского райвоенкомата нас направили в Иркутск на пересыльный пункт, там сводили нас в баню, сформировали в эшелон и направили в Красноярский край, станция Решеты. Приехали ночью, ночевали в клубе, утром тронулись в поход 25 километров в лес, дали нам на всех одну лошадь с саями для кое-каких вещей, остальное несли на себе. К вечеру зашли в барак, где летом жили рабочие подсосочки. Была там и кухня. Обед и ужин были вместе — пол-литра супа. Там же ночевали. Утром пошли шесть километров в лес по тропинке, там была зона, два барака, один из них уже был заселен, а другой был не достроен, имелись пол, потолок и крыша, но не было дверей, окон, стекол, печей. Тут нас расселили и приказали здесь жить и доделывать все необходимое. И так мы начали воевать с топорами и пилами в лесу. Я работал лесорубом два года, в 1943 году перебросили нас в Молотовскую область, тоже в лес, в зону и тоже в недостроенный барак. Тут я стал плотничать, получали 600 граммов

Проводы в армию в Среднем Пихтинске. 1960-е гг.

*Зигмунт Андреевич и Юзофина Мартыновна Зелент.
Начало 1980-х гг.*

хлеба, кусочек селедки и три раза пол-литра супа при норме выработки, а если не было нормы выработки, то убавляли хлеба до 300 граммов. Так я плотничал до октября 1943 года, сил не стало, меня перевели в бригаду легкого труда, т. е. на заготовку дров, дали мне лучковую пилу. Нужно было идти три километра в лес, напилить два кубометра дров, поколоть, сложить в поленницу, это у меня сначала получалось, а потом и тут не стал справляться. Пайка хлеба стала еще меньше, силы еще больше упали. Меня с работы принесли такие же рабочие и направили в больницу, это было в ноябре месяце, где я пролежал две недели. Здесь питание было больничное, немножко лучше обычного, хотя хлеба давали 400 граммов, но, не работавши, жить можно было. Из больницы меня направили в лазарет отдыхающих. Там была обязанность ходить за один километр в лес, заготовить и принести на кухню дрова, хлеба давали по 600 граммов, здесь я немножко подкрепился.

В мае 1944 года меня направили в подсобное хозяйство на огород, где сажали картошку, капусту, сеяли мелочь, пололи, окучивали и осенью убирали.

Зимой заболел дизентерией и ослаб так, что не мог двигаться, положили в больницу, где и пролежал до мая меся-

ца. В мае 1945 года меня снова направили на работу в огород.

В июле к нам приехала военная комиссия, меня активировали и освободили, в августе нас 18 человек отправили по реке на плоту за 25 километров в село Бондюк, где было почтовое отделение, а далее обещали отвезти на машине в район Гердин в 80 километрах. Машина пришла, но всех нас не вместили: нас осталось всего три человека, и мы пошли пешком вслед за машиной. Вскоре я отстал от своих попутчиков, остался один и кое-как к вечеру прошел пять километров, в деревушке поночевал, утром снова пошел в путь, к обеду подошел к тем же баракам, которые строили мы, место было знакомое, свернул в лес, нарвал котелок черники, сварил ее и пообедал, пошел дальше. К вечеру дошел до деревни, подушечку обменял на кусок хлеба, поночевал. Утром снова в путь, затем на попутной машине добрался до райисполкома и тут встретил своих «войк»-сослуживцев, ночевали на крыльце. Утром получили пропуска в Алтайск, сели в пароход и поплыли в область Соликамска,плыли одни сутки, сутки жили в Соликамске, где получили продуктовые рисовые карточки и по 20 рублей денег. На карточки можно было купить кое на каких станциях хлеб. Отсюда в железнодорожном вагоне мы отправились на станцию Новосибирск, здесь нас поселили в подвальное помещение, провожающего не стало, и мы расползлись кто куда. Трое нас с Иркутской области, пропуска нет, билетов не дают, и так мы прожили там семь суток. Затем познакомились с солдатами с Иркутской области и вместе с ними следовали недолго: вскоре наш вагон отцепили, я успел пересесть в тамбур, а товарищ забрался на крышу вагона, потом снова перешли в вагон. Солдаты нас считали заключенными, но не обижали, кое-чем подкармливали. На станции Зима я выкупил хлеб, который накопился за 20 суток, в Заларях часть заменил на молоко, позавтракал у столиков и пошел в родные края. К вечеру добрался в Троицкий Завод. Ночевал у знакомой Наталии Кунц, утром пошел дальше, отдыхал в Зоблагарах, в Дмитриевке лег у дороги отдыхать, но ехали на Мостовку два деда и подвезли меня к знакомым. Утром они накормили, дали сухарей с собой и отправили домой. В Каменке меня догнал председатель колхоза «Победа» Кулагин и привез меня в село Метёлка, до дома оставалось еще шесть километров. И так 25 августа 1945 года, среди белого дня,

прибыл я к своему дому, к своей долгожданной семье. Взрослые и подростки были на колхозных работах, а малыши как воробьи бегали вокруг дома, под кустами черемухи, увидели меня и дали деру.

При доме было свое хозяйство: две козы, поросенок, куры, собака, кот. Общее колхозное хозяйство совсем почти пало. Лошадей было совсем мало и те были чуть живые, пахали огороды на коровах, телятах, а то и вручную — лопатами, но постоянно все трудились над восстановлением общего хозяйства. Меня поставили конюшить и сторожить конный двор, а дети ухаживали за телятами и овцами.

С 1946 года летом плотничал и работал на поле, покосе, а зимой с сестрой и старшей дочерью выезжали от колхоза на заготовку леса, зарабатывали стахановские талоны, а на них можно было купить товары. С 1947 года меня поставили работать кладовщиком колхоза.

В 1952 году отпустили работать рабочим в буровую разведку, потом плотником, заработки были хорошие — по 100–150 рублей в месяц, зиму проработал, а на лето снова пошел работать в колхоз.

В 1954 году был направлен с бригадой — 10 человек — молодых плотников в Андреевку на постройку домов, где приходилось учить молодежь плотницкому ремеслу, за бригадирство мне начисляли 3 % с общего заработка, зарабатывали не менее 100 рублей. На трудодень стали получать зерна по килограмму и 70 копеек деньгами.

В 1961 году наши маленькие колхозы перестроили в совхоз и перевели нас в рабочие, теперь мы стали получать заработную плату деньгами. Оформили меня подеревщиком, а в 1962 году перевели на должность кладовщика в отделение № 5 Заларинского совхоза с окладом 40, а потом 60 и 70 рублей.

В 1968 году по старости уволился из основного штата рабочих, ушел на пенсию (мне дают 45 рублей и жена столько же получает). Имеем подсобное хозяйство, огород, обрабатываем сами себя уже пять лет, а во время сенокоса и уборочной страды помогаем вести работы в совхозе. Скучать от безделья абсолютно некогда.

Семья наша на данный период времени (январь 1974 года), вместе со мной и женой, составляет 10 человек.

Детей у нас восемь: четыре дочери и четыре сына. Три дочери с сельским начальным и одна с неполным средним образованием, все семейные. Два сына с высшим образова-

нием и два — со среднетехническим. Все они прошли через кузницу кадров — Тулунский сельскохозяйственный техникум, работают по специальности.

Внуков 18 человек: девять внуков и девять внучек. Одна из них, старшая, тоже закончила агрономическое отделение Тулунского совхоза-техникума.

Долгое время наши населенные участки были глухими, тихими, таежными, забытыми деревушками.

Бессменным председателем колхоза имени Мичурина был Мартын Мартынович Людвиг, бригадиром, а затем управляющим отделением работал Густав Григорьевич Зелент.

В 1948–1949 годы в наши места привели первые тракторы «Универсал-2», потом СТХЗ-НАТИ, наши местные первые трактористы: Карл Григорьевич Людвиг, Иван Михайлович Людвиг, Роман Мартынович Гильдебрант, Михаил Иванович Зелент (Матросенок).

Зимой 1962 года по нашим участкам впервые по радио заговорил голос Москвы, дошли долгожданные звуки радиопередач и связался наш народ с большим земным миром.

В июле–августе 1967 года сбылась мечта Ильича и загорелся в вековой тайге золотистый электрический свет. Многие в этом деле делали и делают доморощенные монтеры-электрики: Юлик Августович Гильдебрант и Юрий Густавович Зелент.

Сейчас наш таежный народ выписывает различного рода газеты, журналы, молодежь учится.

Население отличается большим трудолюбием, взаимовниманием и гостеприимством.

Добро пожаловать к нам — в наши таежные места!

21 января 1974 г.

INHALTSAUSGABE

Sigmunt Selent. Über mein Leben.

Das sind die Erinnerungen von Sigmunt Selent, geboren 1908 im Dorf Noviny, Vladimir-Volynsker Kreis, Gebiet Volyn, über sein Leben in Sibirien. In 1912 die Familie Selent übersiedelte ins Gebiet Irkutsk. Die Erinnerungen sind im Jahre 1974 geschrieben, sie berichten über die Organisation des Lebens am neuen Ort, über das Leben in der landwirtschaftlichen Kommune, über die Jahre des zweiten Weltkrieges, die er in der Arbeitsarmee verbrachte und über sein Leben nach dem Krieg.

В ТРУДОВОЙ АРМИИ

Беседа Натальи Галеткиной с Ольгой Андреевной Кунц (урожденная Зелент). Ольга Андреевна родилась в 1924 году в деревне Средний Пихтинск Заларинского района Иркутской области. Сейчас живет в поселке Залари. Беседа записана в декабре 2003 года. Сохранена оригинальная орфография и лексика.

— Ольга Андреевна, расскажите, пожалуйста, о трудовой армии с самого начала — когда и как вас забрали?

— Мини было 18 лет, еще даже маленько не хватало, пару месяцев. Девятого ноября 1942 года нас забрали, а мини вот в декабре исполнилось 18.

— Вас одну забрали или кого-то еще?

— Нет, многих из наших колхозов забрали — из «Мичурина», из «Кагановича». Метёлка и Пихтинск, ну мы Замостэче его называли, — это был один колхоз «Каганович». А мы — Средний и Дагник, входили в колхоз «Мичурин». Нас всех было 34, кажется, — и женщины, которые детей по двое, по трое дома пооставляли, и девчонки.

— Вам объясняли как-то, за что вас забирают?

— Ничего. Приехал в деревню врач, всех на комиссию отправили, обследовали. Которых там пару штук оставили по болезни, а остальных всех забрали — и женщин, и девчонок. В Среднем нас много девчонок было, подруг моих... С Дагника тоже много девок было. Сестра моя старша Юля, она была замужем, в Дагниках жила, ее тоже забрали. Мужей позабирали еще раньше. На Среднем была Поля — у ей было трое детей, а мужа уже не было, умер. Детей оставили у ее родни, а ее саму забрали. Еще там одна была Анелечка на Замостэче, у ней там двое или трое было детей, а мужа еще раньше забрали. Ну, и так детей тоже на родню оставили.

— Что было после того, как врач обследовал всех?

— Девятого ноября нас с Пихтинска отправили сюды, в Залари. На санях продукты были, мы погрузили на подводы мешки с продуктами — сухари, хлеб, а сами все вместе пошли

пешком. Добрались до Заларей, и там нас сдали в военкомат. Нас же от военкомата брали. Потом нас погрузили на поезд и отправили в Иркутск, в пересылочную тюрьму. А там уже и немцев насобирали — женщин с Дальнего Востока. И тогда всех нас погрузили в эти эшелоны и отправили туда на запад, на Урал, в Молотовскую область. Это была Молотовская тогда, в войну, а потом ее называли Пермской.

Везли не знаю сколько недель. Стоял долго тот «телятник». Это были вагоны для скота, потому и звали поезд «телятником». Там внутри сделали нары для нас. Еще с нами пара хлопчиков ехала, тётки Броньки Эдвард, тётки Альвины Иван, тётки Маньки Кароль. Кароль Гиньборг еще по сей день живой на Черемшанке. А эти там погибли, хлопчики младенькие такие. Эдвард продукты в мешках спрудил, то мы все его поддерживали, когда вместе ихали. А потом их высадили в Решетах...

Привезли туда в Молотовскую область. Под комендатурой там были.

— А что это значит?

— Это как... по-военному. В трудовую армию, называли, мобилизованы мы были. Завезли нас туда, на 31-й разъезд, кажется. И там, в совхозе, по деревне нас расселяли. В каждую хату, кто примет, сколько сможет принять. Так поделили, рассортировали по деревне нас.

Я с Юлею попала в избу, где уже жили две-три семьи... Хозяйка как нас обзвала, всяко, что мы — шпионы, и еще как-то. А мы просим ее: «Мы ни в чем не виноваты, нас вот привезли, и комендант привил нас сюда».

Расселили нас, а завтра уже на работу нас по-

Ольга Зелент (слева) в трудовой армии. Свердловская область, конец 1940-х гг.

перли. Сперва «зеленку» убирали, солому на полях скирдовали, лен били, семена отбивали, снопы. Там на полях все это не убрано было. Там тоже мужиков не было, только один дед-бригадир. Где-то с месяц прошел, пока мы прибрали там на полях.

Потом отправили нас рыть котлованы под парники для совхоза. Под шаблон копали парники, шаблоны такие были, чертежи. Бригадир закажет, померит — вот стьлько сроби. А она мэрзла земля, кайлишь-кайлишь, аж искры летят от кайла, мерзлота. Там как раз был огород, мелочь росла, овощи — где картофля, где морквы, бураки. И-и, яка радость была, як найдеш кусочек мэрзлый, положишь его в карман, а потом съешь с какой-нибудь баландой.

— *А вообще что ели?*

— Там была столовая, только вот сварят суп из трех горошин, только шелушинки-то и плавают. Бульончик (смеется).

— *Вас там много работало?*

— Ну, вот нас як раз с Пихтинска, скилька нас было, да немки с Дальнего Востока. Они заговорили по-своему в поезде, немки-то. Бачат, что мы как вроде тоже немцы, а мы ничо не понимаем. Мы по-русски им. «Так какие же вы немцы, когда вы тут...». Вот так и было.

— *То есть вас считали немцами, а сами себя вы так не называли?*

— За немцев считали наших, и нас с немцами туда и вывезли... Вроде как за немцев считали по фамилии, что ли. А я как была на Урале, и там писали, яка нация — и я сказала: «я украинка, немецкого я не понимаю». А украинский у нас полный... Вот так. В паспорте — украинка. И так дети мои тоже — украинцы...

...До весны зиму мы там отробили, и моя сестра Юля и та Юлька Адольфиха говорят мини: «Оля, сухари суши, будем тикать домой». Я говорю: «Якие там сухари сушить? Я не успею от хлебрезки получить той кусочек, как уже съедаю его...» Был такой хлеб — ячменный, сырый, тяжелый. Пока иду, я уже почти съем этот кусок, ну что там сушить. А сестра мне говорит: «Ну и умрешь с голоду по дороге». «Ай, кажу, пусть с голоду». Не знаю, у менэ не получалось. Как-то положила под подушку этот кусочек хлеба, чтобы сохранить, ну и заснуть никак не могла. Лежу, голодная, и знаю, что хлеб под подушкой. Пока не съела, не смогла заснуть.

— *И что, все же решили с ними бежать?*

— Ну да. Я за нею так и ходила, она старше меня на десять лет, и она мини як за мать была. Вот и бежали мы. Ехали на товарняках, в вагонах, потому что денег нету в таком поезде ехать, ни денег, документов.

— *Не боялись, что могут подстрелить при побеге или потом схватят по дороге?*

— Ну, то, конечно, всё могло быть, но раз оно прошло всё так... Тилько думали о том, что дома осталось всё исты, и работа ж колхозная та сама, что мы в чужом колхозе робыли. А дома-то всю молодежь забрали, всех мужиков и хлопцев в трудармию, остались там едны старики...

Я-то меньша была от них, молодша, так они все там и командовали, а я тилько тремалась, держалась. Ну, тикали, утекли, ихали-ихали товарняками. Юля вылезала, когда оставливался поезд, выйдет, чтобы купиты там какую-нибудь лепешку, хлиба кусочек. Ну, и было, пару раз удавалось, а раз не удалось ей. Вышла и отстала от поезда. Поезд тронулся, я плачу — сестра осталась...

...Наконец, добрались до дому. На товарняке до Залари, а оттуда пешком. Тогда транспорта не было на Пихтинский, пешком шли, в Троицком ночевали, там была знакомая, Наталья Кунциха. Там переночевали и опять — пешком домой. А Юля, сестра, вперед приехала. Только недолго мы были дома.

— *Вы где-то прятались, вернувшись в Пихтинск?*

— Нет, мы пришли на Пихтинский и сразу пошли в колхоз робиты. В свой колхоз, там жать надо было. Но бригадир доложил о нас, милицию вызвали и нас опять — так и так, вы, мол, сбежали оттуда, там же ищуть. И все, опять в тюрьму всех троих. Снова повезли в Молотовскую область и там судили.

...Как раз я наварила грибов и попала в больницу, когда на суд повестка пришла. А тзи обе Юли пошли на суд, они не болели, работали. Им по семь лет дали, а мни потом, как выздоровела, восемь влепили. Я плачу, кажу: «Я же меньше их, я за ними тянулась, почему мне восемь лет дали, а им по семь». «Не разговаривай!» Там строго.

Отправили нас по этапу, но сестер в одну сторону, а меня — в другую.

Попервости трудно мни было, на улице работа такая — таскать носилки, стройка там шла.

— *Это лагерь был?*

— Ну да, женский лагерь. До суда-то в тюрьме трымали, а

**Ольга Андреевна Кунц
в своем доме в Заларях.
Фото Н. Галеткиной, 2003 г.**

кухню. Говорят: «Кто желает идти на кухню, чистыты картошку, рыбу, полы помыты?» Ну, як я почувствовала в себе, что я могу, я вызвалась. Еще там ходили женщины, девки. Потом тэи девки — они крали, и их быстро там во время проверки поймали. А я кому понесу, я одна. Я наилася, накормили меня, куды я больше понесу? Чего? Завтра я приду опять полы мыть. И минэ так полюбили тыи повара и директор кухни. «Оля! Приходи к нам. Будешь у нас работать, будешь вот посудомойкой, котлы от каши скоблиты там, всё». Ну и хорошо. А пол — там был из досок некрашенных на кухне. Каждый день надо намочыты тряпкой и ножиком соскоблиты и сместы. И уже он

як осудылы, то уже в бригаду, на работу нас гнали. Там всё огорожено было, решетки, под комендатурой, под винтовками. На работу, с работы выйдем, и закомандуют: «Вси в строй по двое, по трое». Помню, такой приказ зачитывали, пару слов запомнила: «Шаг вправо, шаг влево — будет применёно оружие». Шоб никуды не убегли. То я запомнила.

Жили в бараках, там были нары — верхние, нижние.

— Но там уже все подряд были — и немцы, и украинцы, и русские?

— Да, там вообще был кошмар, всякий сброд — и за убийство, и за кражу. Но мни Господь Бог помог. Я вдруг заболела глазами, и менэ положили в больницу. Лечили, потом мни лучше стало. При больнице нужны были работники на

жолтый. Я там так и робыла до конца. Я всего два года там была в заключении, в Молотовской области.

— *То есть это уже 45-й год шел, война закончилась.*

— Вот! Объявили победу, а я на кухне як раз залезла в котел, там шкрабала его, отмачивала, уже под кашу опять готовила. И приходит дневальный, объясняет: «Кончилась война! Победа!» Обрадовались все. Потом прошло какое-то время, и нам объявляют, что указников распустить (а у минэ статья была по указу, за побег). Оставлять только тех, у кого строгие статьи.

Освободили меня из лагеря. Написали, как говорили, маршрут. Хотели на поселение в город Актюбинск отправить. Туда 12 суток надо было ихать. На 12 суток дали мне продуктов, чи две, чи три рыбки, ну и с пулторы булки хлеба, и всё, ни денег, ни чо. А где вон тот Актюбинск город?

...Еще под комендатурой мы были, еще не освобожденные. В дороге нас сопровождал человек от комендатуры. Я ехала-ехала, продукты кончились, я плачу — грошей нема, исты нечего. А Бог послал женщину мни по дороге, такую, что она мни посоветовала: «У нас есть рудник, ты устройшься, заработашь, а потом приедешь». Она довезла минэ...

— *То есть до Актюбинска вы не доехали?*

— Не, я в Актюбинск и не поехала. До Свердловска доехала, и в Свердловске мни такое сказали. Там я потом и робила на бетонном заводе. Тачкой возила песок, цемент, известку. По три смены. Первша смена — с восьми утра до четырех дня, потом — с четырех до 12, а с 12 до восьми. Это три смены нас. Наихудша смена была с 12 до утра. Спаты клонит, тую тачку тяжко везти... Попервости тую тачку я не умела катать, она у меня всё слетала. Потом як научилась, то я ее рысью гоняла. Нагружу полну и поёрла.

...Каждый мисяц я должна была отмечаться. Сначала ходила каждый мисяц по 20 километров, чтобы отметить в той самой комендатуре. У меня день проходит, взад-вперед, трачу смену свою, теряю. Потом этот комендант сказал: «Дам я телефон свой, в такое-то время, как мисяц уже прошел, туда звоните, чтобы отметить». И так до конца было, пока он мни не сказал: «Гроши готовь в дорогу, а потом вызовем тебя». Вот так пара мисяцев прошла. Я там по 300 рублей, что ли, получала. Заработала. Мало платили, но я экономно жила.

Там у меня постель такая была, с пуху камыша я наробила. Перину с него србила. Подушки наробила. Осенью ходыла на болото, этих палок нарубила, насушила, а потом тряблю — пух

такой. И наробила три подушки, перину, матрас такой мягкий, порубила такую постель себе. Потом продала все это. И мне гроши за то. Девчонки замуж шли, подружки мои были. Мы в общежитии жили по несколько человек в комнате. Все были девчонки с запада, вербованные, на заработки ездили. Они свободные были. Они мне и говорят — продай перину. Ну я продала, не помню уж по сколько.

— А кто вас научил из камыша перину делать?

— А там робыли местные жители, ходыли, показали. Пушиста подушка получалась, только ненадолго, на год или два. Она сбивается быстро, а сразу-то и хорошо.

Ничего, так оно прошло всё, прожила тое, это самое главное...

...Бог мне давал добрых людей. Карточки як у минэ покрали в общежитии, это уже в Свердловске было. Дали карточку на мисяц, на сухой паек, на хлеб. И якая там пьянчужка украла у мини карточки. Пришла туда, где продавали хлеб, плачу — нима купиты за что. И одна женщина там пожилая была, видно, семейные карточки трымала, связаны в куче, она дала мины одну карточку. Спросила: «Что ты, девушка, плачешь?» А я с такими слезами: «Исты хочу». И тогда свою беду рассказала. Она послухала, взяла оторвала и дала мины карточку... Бог бачил на минэ, сироту, и помогал через добрых людей. И слава Богу, всё перенесла, трудности, всё позади.

— Это сколько времени вы были в трудовой армии и на поселении?

— Нас в 42-м забрали, осенью, а в 52-м весною я прибыла на родину. Девять с половиною всего там минэ прошло — из дому до дому.

INHALTSAUSGABE

Olga Kunz. In der Arbeitsarmee.

Es sind die Erinnerungen von Olga Kunz (geborene Selent), geborene in 1924 im Dorf Sredny (Mittlerer) Pichtinsk Kreis Saslari Gebiet Irkutsk. Am Anfang des Großen Vaterländischen Krieges, wenn Olga noch keine 18 Jahre alt war, war sie mit den anderen Pichtiner Holländern in die Arbeitsarmee in die Uralgebirge ettapiert war. Die Erinnerungen berichten über 9,5 Jahre der Zwangsarbeit, über die Flucht nach Haus, über die Verhaftung, über den Gerichtsprozeß, über den Aufenthalt in einer Frauenstraflager. Die Erinnerungen sind in 2003 notiert worden.

**«Я ПРИЕХАЛ ВСТРЕТИТЬСЯ
С ЗЕМЛЯКАМИ...»:
ИНТЕРВЬЮ С ЭДУАРДОМ БЮТОВЫМ**

В июне 2004 года Пихтинск посетили Эдуард и Вальдемар Бютовы, представители бужских голендров, живущих ныне в Германии. Эдуард Бютов уже много лет занимается историей своей группы и является автором книги, аннотируемой в журнале. Он родился в 1932 году в колонии Замостече на Западном Буге. В 1940 году вместе со своей семьей и другими жителями колоний бужских голендров покинул родину и с 1945 года проживает в Восточной Германии. В 1955 году окончил экономический факультет университета имени Мартина Лютера в городе Виттенберг, округ Галле. Работал на многих промышленных предприятиях тяжелого машиностроения бывшей ГДР. Сейчас находится на пенсии и живет в городе Шверин. В рамках проводимых им исследований в 1998 и 2003 годах совершил поездки в Украину и Польшу, где посетил места бывших колоний бужских голендров. В этом году впервые познакомился с сибирскими потомками своих земляков. По возвращении Эдуарда Бютова из Пихтинска мы расспросили его о впечатлениях и результатах этой поездки.

— Скажите, пожалуйста, зачем вы приехали в Иркутск и Пихтинск, почему решили отправиться в столь дальний путь?

— Я приехал сюда, чтобы встретиться и познакомиться с нашими земляками, бужскими голендрами, узнать больше об их жизни здесь. По статьям, по книгам я уже многое знаю, но вот как это выглядит в реальной жизни — это было очень важно для меня. Мне говорили дома: «Что? Ты хочешь ехать в Сибирь? Там же холодно, там же страшно...» Я отвечал: «Не бойтесь, это же — наши люди, а я знаю наших людей и уверен, что никаких проблем там не будет».

— Оправдались ли ваши ожидания, связанные с этой поездкой?

— Поездка оказалась для нас с братом Вальдемаром просто прекрасной. Мы познакомились со столькими людьми, так

много разговаривали с ними. Они давали нам свои метрики, документы, и теперь мы уже гораздо больше знаем о том, как наши земляки переселились в Сибирь, как они жили и живут здесь. То, что я узнал и получил в ходе этой поездки, — гораздо больше того, что я ожидал. Я не думал, например, что найду здесь тех людей, имена которых мне уже были известны из других источников. Эти имена и прежние знания получили новое подтверждение, так что я теперь смогу больше и глубже написать об этом в своей новой книге. Не рассчитывал я и на то, что мы найдем здесь своих родственников в третьем поколении. Мы встретились, поговорили и теперь будем поддерживать эти появившиеся контакты.

— *Было ли что-то, что особенно удивило вас в Пихтинске?*

— Да. То, что здесь так много сохранилось из нашей прежней культуры. Эти старые дома, то, как люди живут, как работают, старые свадебные обряды с этим бичами, чепцами. Наверное, больше нигде такого не встретить. Первые годы после войны у нас тоже еще все это было, но потом наши люди стали смешиваться с местными жителями, с другими переселенцами, и больше уже такого нет. Сейчас у нас в Германии лишь самые старые люди еще

*Наталья Галеткина и Эдуард Бютов. Средний Пихтинск.
Фото Ю. Лыхина, 2004 г.*

знают все это, но забывают, а молодежь вообще ничего не знает. В нашем музее в Линдстове тоже есть много интересного, на что можно посмотреть. Но в Пихтинске все это оригинальное, естественное, здесь еще на самом деле люди так живут.

Это все очень интересно нашим голендрам в Германии, и мы будем рассказывать им об этой поездке. У нас уже есть договоренность, что как только мы вернемся домой, то в первую очередь выступим в Фарнштадте. Мы жили там после 1945 года и до сих пор поддерживаем контакты. Потом мы выступим в историческом обществе «Волынь», в музее Линдстова, в евангелических церквях. Я уже три или четыре раза рассказывал там о наших поездках, о своей книге. Поэтому знаю, что люди интересуются, ждут и хотят знать больше.

— *Расскажите, пожалуйста, когда и как вы начали заниматься исследованиями истории бужских голендров?*

— Уже после объединения Германии мой старший брат Вальтер нашел в Западной Германии историческое общество «Волынь». Думаю, это было в 1993 или 1994 году. Мы поехали туда, познакомились с его руководителем Николаусом Арндтом, историком Хельмутом Хольцем. И Арндт, и Хольц рассказывали нам, что наших предков звали «хаулендры», а не «голендры». Мне было это непонятно, потому что я никогда не слышал, чтобы наших людей так называли. Наши деды и отцы всегда го-

**Вальдемар и Эдуард Бютовы.
Средний Пихтинск.
Фото Н. Галеткиной, 2004 г.**

**В доме Юзи Михайловны Людвиг. Пихтинск.
Фото Ю. Лыхина, 2004 г.**

ворили «голендры», «холендры», «олендры». Помню, что когда еще в детстве мы ездили в Забужье или Ровно, то украинцы и поляки говорили: «О, приехали олендры к нам».

Я начал искать литературу, разные книги, документы. Потом узнал, что общество организует поездки на Волынь. В первой такой поездке в июне 1998 года мы с братом тоже участвовали. Тогда я получил первые документы от Михаила Костюка, украинского исследователя. Потом их становилось все больше и больше. Так я решил написать свою первую книгу.

— А какова самая главная цель ваших исследований?

— Сделать для наших людей такую работу, чтоб они узнали, откуда пришли их предки, где живут их родственники, какой была их история. Вот, например, в Пихтинске мне один человек говорит: «О, нас привезла в Россию царица Екатерина Вторая». Другой говорит: «Какой-то король наших первых людей привез». Они не имеют знания своей истории, потому что они этим не занимались. Мало осталось старых людей, которые бы могли что-то написать, рассказать детям, как и что было. Люди этим не интересова-

Вальдемар и Эдуард Бютовы с Иваном Густафовичем Бютовым. Дагник. Фото Н. Галеткиной, 2004 г.

лись. А теперь, думаю, через мою книгу интерес к своей истории еще больше будет оживать. Теперь уже второе поколение интересуется тем, как жили их отцы и деды, откуда они взялись. Интересуются уже не только сами голендры, но и другие люди, историки, журналисты.

Из-за своей книги я в течение недели получаю по несколько писем и звонков от людей, которые благодарят меня за эту работу. Они говорят: как хорошо, что кто-то пишет о том, кто мы есть, где и как мы жили. Они присылают мне свои материалы, фотографии. Люди мне пишут: «Теперь мы знаем, кто мы есть и откуда мы приехали. Мы были немцами даже лучшими, чем те, которые называли нас здесь поляками или русаками». Для них все это имеет очень большое значение. Вы знаете, ведь когда они переселились в 1940 году в Германию, они почти не умели говорить по-немецки, у них была иная культура. Поначалу трудно было.

Когда я только начинал писать свою книгу, я надеялся, что кому-то она будет интересна, но не думал, что будет такое

большое эхо. Рената, моя жена, говорила мне: «Зачем ты это пишешь? Кого это заинтересует?» А я ей говорил: «Слушай, в 1940 году, когда мы переселились с Волыни до Германии, то нас было там, по статистике, 2 360 человек. Наши люди расселились по всей Германии, в каждой семье было четыре-пять детей. И теперь, спустя 60 лет, их должно быть здесь минимум 10 тысяч, а то и больше. Если хотя бы 10 % из них имеют интерес к своей собственной истории, то моя книга будет нужна».

— Те, кто вам пишет и звонит, они все живут в Германии?

— Нет, не только. Есть наши голендры в Канаде, в США, в Голландии, Франции... А теперь вот у нас появились контакты и с нашими земляками из Сибири, которые мы обязательно будем поддерживать. Это интересно для меня самого и будет также интересно для наших людей, здесь и там. И наша поездка, думаю, поможет нашим голендрам здесь — им самим, их детям и внукам — сказать, откуда они приехали, кем они были, как они будут жить. Те знания, что мы здесь получили, войдут в мою вторую книгу о бужских голендрах на Волыни. Но также думаю и о том, чтобы написать что-то отдельное о Сибири. Возможно, это будет новая книга.

Интервью подготовила Наталья Галеткина

INHALTSAUSGABE

«Ich bin gekommen, um mit meinen Landsleuten zu treffen...»: Ein Interview mit Eduard Bütow.

Das Interview mit Eduard Bütow, dem Vertreter der Bug-Holländer, die jetzt in Deutschland leben, ist in Pichtinsk (Kreis Salari, Gebiet Irkutsk) im Juni 2004 notiert worden. Eduard Bütow studiert viele Jahre die Geschichte der Bug-Holländer, er ist der Autor des Buches, die in der zeitschrift annotiert ist. Seine Reise nach Rußland war mitdem Wunsch, das Leben der sibirischen Nachkommen seiner Landsleute kennenzulernen.

К ВОПРОСУ О МУЗЕЕФИКАЦИИ СОХРАНИВШИХСЯ ЭЛЕМЕНТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОЛЕНДРОВ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ

*Владимир Викторович Тихонов,
директор Архитектурно-
этнографического музея
«Тальцы», г. Иркутск*

Особенностью аграрной политики русского государства в начале XX века стало массовое добровольное переселение крестьян Европейской России, Украины, Белоруссии в Сибирь и в частности в Предбайкалье.

Основными стимулами к массовому переселению, конечно, являлись малоземелье крестьян в местах их исторического проживания и значительные неосвоенные природные земли Предбайкалья.

Существенным фактором, сдерживающим поток переселенцев в Предбайкалье, была недостаточная развитость дорог и большая удаленность осваиваемых территорий от мест с избыточным трудовым ресурсом. Приход в конце XIX века в Предбайкалье Сибирской железной дороги открыл новые возможности по заселению этого региона переселенцами, введению в оборот новых пахотных земель, возникновению новых поселений и решению, наряду с проблемой обеспечения жителей России возможностью трудиться на земле, задачи дальнейшего обживания и закрепления за Россией ее малонаселенных восточных территорий.

Переселенцев столыпинской волны расселяли в юго-западной таежной подзоне, по окраинам лесостепей и в лесной местности, ранее не занятых русским старожильческим населением. Территория, ими заселенная, шла узкими полосами вдоль Московского тракта.

Одна из особенностей переселения в Предбайкалье заключалась в том, что населенные пункты формировались, как правило, из крестьян одной национальности, часто собранных из одной или нескольких близко расположенных волостей или,

по крайней мере, из одной губернии. В зависимости от количества переселенцев они основывали на отведенных участках то или иное число поселений, соседствующих друг с другом.

Основной вид хозяйственной деятельности в переселенческих деревнях — товарное производство зерна. Довольно развиты были также различные промыслы, однако они носили уже вспомогательный характер.

Боязнь переселенцев, что на новом месте они не приживутся, а вернуться обратно будет проблематично, являлась серьезным сдерживающим фактором. Будущими переселенцами даже была отработана методика изучения перспективных для переселения мест. От группы будущих переселенцев они вскладчину посылали на новые земли для их изучения ходоков.

В 1910 году в Заларинскую волость из района реки Буг прибыли четверо ходоков: Андрей Гиньбург, Иван Гильдебрант, Иван Бытов и Петр Кунц — для решения вопроса, поставленного перед ними односельчанами, о возможности переселения на сибирские земли. Ходоки представляли бужских голендров. Эта народность появилась на берегах Буга, по одним данным, в конце XVI, по другим — в начале XVII века.

Дом А.М. Гильдебрант. Пихтинск. Фото В. Тихонова, 2004 г.

Более правомерной датой, пожалуй, следует считать начало XVII века. Переселение шло с территории нынешней северо-западной Германии, ее границы с Голландией.

Хотя существует мнение, что переселенцами главным образом были высококлассные специалисты (плотники, столяры, ткачи, токари), приглашенные Екатериной II для развития различных промыслов, думается, что все обстояло гораздо прозаичней. Мелкоземелье, а может быть, и войны, постоянно возникавшие в то время на северо-западе Германии, явились основной причиной миграции немцев на берега Буга.

К концу XIX века на берегах Буга компактная колония голендров состояла из шести поселений. Эти поселения дали 36 переселенческих семей на предбайкальских просторах, в предгорьях Саян, в поселениях Дагник, Новины (Средний Пихтинск) и Замостече (Пихтинск).

Вторая мировая война, прокатившаяся огненным шквалом по материнской колонии голендров на Буге, практически полностью ее уничтожила. Таким образом, основной пласт сохраненной материальной и духовной культуры бужских голендров остался только у предбайкальских голендров.

Дверь в «хату» П.М. Людвига. Средний Пихтинск.

Фото В. Тихонова, 2004 г.

*Ворота в хозяйственную часть дома П.М. Людвига.
Средний Пихтинск. Фото В. Тихонова, 2004 г.*

При проведении историко-культурного зонирования территории Предбайкалья сотрудники музея «Тальцы» обратили внимание на уникальное явление — деревни Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник, характеризующиеся строениями, совершенно несвойственными архитектуре Сибири, а также иными этнографическими особенностями, отличающими жителей этих поселений от остальных этносов, населяющих Предбайкалье. Архитектура, присущая Западной Украине и Белоруссии, язык общения — наряду с русским польско-украинский, верование — лютеранское, фамилии жителей — немецкие.

Экспедиционные исследования последних лет, а также архивно-литературные проработки окончательно убедили сотрудников музея «Тальцы», что без сохранения в музеефицированном виде материальной и духовной культуры предбайкальских голендров общая концепция фрагментарного сохранения основных отличительных особенностей традиционной культуры населения Предбайкалья в полном масштабе реализована быть не может. Вариантов сохранения культуры предбайкальских голендров нам видится два. По одному из них предполагается создать архитектурно-этно-

графический комплекс «Пихтинский» в виде резервата на месте существующего поселения — деревни Пихтинск, отстоящей от поселка Залари на 90 километров. Деревня образована переселенцами-голландцами в 1912 году. Музеефицируется из-за совершенно несвойственной Сибири архитектуры, которую привезли сюда переехавшие в край голландцы. Дома-дворы такие же, как были на родине в Волинской и Гродненской губерниях.

В качестве примера можно рассмотреть усадьбу Петра Мартыновича Людвига в Среднем Пихтинске. Жилой дом делит ее на две части. В одной части — парадный двор, в котором первоначально отсутствовали какие-либо хозяйственные постройки, и только в 1960-х годах на нем построили новый жилой дом по стандартному архитектурному типу того времени. В другой части располагались хозяйственный двор — с жилой стороны дома — и скотный двор в стороне стоек и хозяйственных построек. Сам дом состоял из «хаты» (теплого помещения для жилья), далее следовали стойки и в конце дома со стороны улицы располагались хозяйственные постройки. Хата (11,5 x 6,4 метра), стойки (6,7 x 6,4 метра) и

Загон для летнего содержания поросят в усадьбе П.М. Людвига. Средний Пихтинск. Фото В. Тихонова, 2004 г.

**Амбар в усадьбе М.И. Кунца. Средний Пихтинск.
Фото В. Тихонова, 2004 г.**

хозяйственные постройки (8,0 x 6,4 метра) были под единой кровлей. В отличие от северорусских домов, пихтинские дома были одноэтажными, без подклетей, вытянутыми в длину. Сообщение между хатой и хозяйственными постройками проходило через стайку по отгороженному в ней коридору. Хата состояла из холодных сеней и теплого помещения (кухни, зала и спальни), отапливаемого печью-голландкой с пристроенной к ней плитой для приготовления пищи. Печь охватывала обогревом все помещения хаты, даже выходя небольшой своей частью в холодные сени. Потолок хаты засыпался землей. Из холодных сеней на потолок хаты раньше вела лестница. По воспоминаниям Ивана Зигмунтовича Зелента, в 40-х годах XX века на крыше избы в плетеных корзинах хранили в замороженном виде засыпанные золой куриные яйца, там же хранили копчености.

Холодные сени имеют два выхода — на парадный и хозяйственный дворы. Стайка коридором, образованным пряслами загонов, делилась на две половины и имела, так же как и хата, выходы на парадный и скотный дворы. В стайке, не разделяясь, содержались коровы, поросята, телята, овцы, гуси. Чердак стайки не соединялся с чердачным помещением избы и служил в качестве сеновала. Также на нем зимой содержались куры.

Территория хозяйственных построек делилась на ток, складскую часть и помещение клуни. Вход в хозяйственные постройки был с двух сторон (парадного и скотного дворов) через большие двухсторонние ворота, позволявшие заезжать телеге со стороны парадного двора, разгружаться и далее для разворота проезжать в скотный двор. Та часть здания, которая располагалась в районе этих ворот, использовалась как ток (в летнее время молодежь использовала ее для посиделок и танцев). Остальная часть хозяйственной территории использовалась для размещения ручной мельницы, хранения половы (мякины гречки, проса), применявшейся для кормления поросят и отдельно с остальной, более грубой мякиной для кормления скота. Здесь же размещался погреб, где зимой хранили корнеплоды и пчелиные ульи. Завершает хозяйственную часть дома помещение клуни. Клуня — это специальный рычажный механизм со ступой для ошелушивания зерна.

Кровля дома в отличие от основной массы сибирских домов имеет нетрадиционное покрытие довольно коротким и тонким драньем в три ряда. К хозяйственной части дома со стороны скотного двора пристроен крытый загон для летнего содержания поросят. По информации хозяев усадьбы, раньше в скотном дворе были не сохранившиеся к настоящему времени навес для крупного рогатого скота и овчарня, а в хозяйственном дворе размещались «винзарня» (копильня), зимняя печка (для выпечки хлеба и просушивания мякины), столярная мастерская, колодец-журавль с расположенным рядом стационарным приспособлением для выгонки самогона.

Первоначально на всю деревню была одна баня, в последующем их стали строить и в усадьбах, размещая на хозяйственных дворах. В некоторых усадьбах встречаются стоящие отдельно от дома амбары (усадьба М.И. Кунца в Среднем Пихтинске), пристроенные к дому со стороны хозяйственной половины стайки (усадьба А.М. Гильденбрант в Пихтинске).

Столь отличный от остального населения Предбайкалья культурный пласт, проявляющийся в архитектуре, бытовом укладе и духовном содержании, конечно, позволяет ставить вопрос о его музеефикации.

Примечательно, что голендры, попав в Сибирь небольшой группой и будучи окруженными со всех сторон другими народами — русскими, бурятами, белорусами, татарами, сумели сохранить свою культуру: в домостроении, особенностях интерьера, орудиях труда. Сегодня многие из них

оставили свои первые жилища, переселившись в новые дома, построенные традиционно по-сибирски. Старые дома не разрушают. Они часто служат голендрам летним жилищем. В настоящее время в связи с распадом колхозов у некоторой части голендров наблюдается возврат к натуральному хозяйству, они заводят лошадей, используя их в хозяйстве и лесном промысле при сборе ягод и грибов. Не забыты у голендров и домашние промыслы — ткачество, вышивка, вязание, плетение корзин, изготовление саней, санок и других вещей. Все это — старые дома, домашние промыслы, лошади — усиливает впечатление незыблемости традиционного образа жизни голендров.

Создание музея в Пихтинске позволит решить две задачи — показать в естественной среде своеобразие быта голендров, давая посетителям представление о том, как многонациональная Сибирь принимала на свои земли многие народы мира, и показать процесс их адаптации к суровым сибирским условиям. Для создания данного комплекса-резервата практически не требуется капитальных финансовых вложений. Единственным объектом капитального строительства должен стать стилизованный пункт питания (традиционная народная кухня). Удаленность от Иркутска (290 километров) несколько осложняет доставку турпотока, основой которого являются жители больших урбанизированных городов Предбайкалья (Иркутск, Шелехов, Ангарск, Усолье-Сибирское и т. д.), а также приезжие туристы. Но учитывая, что дорога к Пихтинску хорошая (250 километров — асфальт и 40 километров — гравий), турпоток — до пяти автобусов в день с организацией питания туристов — вполне возможен. Главное здесь — информационная раскрутка.

Архитектурно-этнографический музейный комплекс «Пихтинский» вполне может структурно, как филиал, войти в архитектурно-этнографический музей «Усадьба купца Курсанова» в поселке Залари. Значение создания и функционирования музейного архитектурно-этнографического комплекса «Пихтинский» для экономики Заларинского района очевидно: без больших капитальных затрат возможно создать в районе экологически чистую инфраструктуру — туризм, решая при этом острую социальную проблему района — безработицу.

Второй вариант сохранения и передачи будущим поколениям материальной и духовной культуры предбайкальских голендров нами видится в создании в переселенческом секто-

ре музея «Тальцы» экспозиции «Предбайкальские голендры». Ее объем, по всей видимости, ограничится переносом в музей одного из домов-оригиналов с созданием вокруг него элементарной инфраструктуры (колодцев, поскотин и т. д.). Во-первых, создание в музее «Тальцы» экспозиции «Предбайкальские голендры» даст возможность музейному комплексу регионального масштаба, музеефицирующему все основные историко-культурные зоны Предбайкалья, полноценно выполнять свои функции. Во-вторых, приближение к основному туристическому потоку Предбайкалья информационного материала по предбайкальским голендрам позволит донести информацию до максимально возможного числа людей, тем самым поддерживая постоянный интерес к этому уникальному этносу, являющемуся небольшой частью культурного наследия цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

Басина Л. Архитектура переселенческих сел: Пихтинск, Средне-Пихтинск, Дагник // Земля Иркутская. — 1997. — № 7.

Галеткина Н. Бужские голендры в Сибири и Германии // Земля Иркутская. — 1997. — № 7.

Тихонов В.В. Особенности музеефикации архитектурно-этнографических комплексов Предбайкалья: Дис. ... канд. культурологии. — Кемерово, 2004.

INHALTSAUSGABE

Vladimir Tichonov. Zum Problem der Museefizierung der erhaltenen Elemente des materiellen und geistlichen Lebens der Holländer des Vorbaikaliens.

Der Direktor eines bekannten in Rußland architektonisch-ethnographischen Freilichtmuseums «Talzy» bietet zwei Varianten der Erhaltung der Kultur der Pichtiner Holländer. Nach einer der Varianten wird es vorgesehen einen architektonisch-ethnographischen Komplex «Pichtinsky» als einen Reservat an der Stelle der bestehenden Siedlung zu schaffen. Die zweite Variante sieht der Autor in der Bildung einer besonderen architektonisch-ethnographischen Exposition im Übersiedlersektor des Museums «Talzy». Diese Exposition wird den Pichtiner Holländer gewidmet.

**Bütow Eduard. Bug-Holländer in Wolhynien: Spuren und Geschichte (Бужские голендры на Во-
лыни: Следы и история).** — Schwerin: Wolin, 2002.
— 216 s. (на нем. яз.).

Книга посвящена происхождению, истории, образу жизни и особенностям этноконфессиональной группы бужских голендров, жившей на Волыни в XVII–XX вв. История голендров рассматривается автором в трех временных периодах. 1520–1617 гг.: Реформация в Нидерландах, преследование протестантов в Голландии, их переселение в Пруссию и Польшу, основание там голландских деревень. 1617–1939 гг.: дальнейшее переселение на реку Буг, основание старейшей немецкой колонии Нейдорф-Нейбрух, дочерних колоний и жизнь на Буге. 1940–1946 гг.: «возвращение в рейх», жизнь в Вартегау, переселение в Саксонию-Ангальд и начало новой жизни в советской оккупационной зоне в Германии.

**Bütow Walter. Wir Flüchtlingskinder — die große
Wanderung. Lebensstationen (Мы дети-беженцы — вели-
кое странствие. Вехи жизни).** — Berlin: Katrin Rohnstock
Medienbüro, 2002. — 180 s. (на нем. яз.).

Книга написана в жанре семейной истории и представляет собой рассказ о судьбе, типичной для многих жителей колоний бужских голендров в XX в. Их повседневная жизнь в предвоенный период, переселение 1940 г. в Вартегау, долгие странствия по Германии, адаптация к новым условиям — все эти вопросы автор рассматривает на примере своей семьи и собственной жизни. Хронологические рамки повествования охватывают весь XX век.

**Костюк Михайло. Німецькі колонії на Волині (XIX – по-
чаток XX в.).** — Тернопіль: «Підручники & Посібники», 2003. —
382 с. (на укр. яз.).

Впервые в украинской историографии на основе большого количества ранее неизвестных источников комплексно исследуется история немецкой колонизации* а также жизнь и деятельность немецкого национального меньшинства в XIX – начале XX столетия. Прослеживаются причины, динамика и правовые условия колонизации, географическое расселение колонистов, процесс формирования немецкого землевладения, особенности материальной культуры, быта и духовной жизни волинских немцев. Хотя автор не рассматривает отдельно группу бужских голендров, он упоминает о них как о части единого потока немецкой колонизации Волыни.

КУЛИНАРНЫЕ РЕЦЕПТЫ ПИХТИНСКИХ ГОЛЕНДРОВ

ПОЛЬСКИЙ БОРЩ

Раньше это блюдо готовили на свадьбы, отчего оно имело и другое название: «высильный» (свадебный) борщ.

Из «скотского» (говяжьего) и свиного мяса, а также большого количества костей варится наваристый бульон. По вкусу добавляются уксус, соль, укроп, лук, петрушка, лавровый лист, перец, все заправляется сливками.

К борщу подается отдельно отваренный цельный картофель.

БУРАЧНЫЙ БОРЩ

Бураки (свеклу) почистить, нарезать соломкой, положить в кастрюлю с водой и варить до готовности. Добавить небольшое количество сахара, соль и уксус по вкусу, веточки укропа (позже веточки можно выбросить), заправить борщ сливками. Отдельно варится картофель и подается к столу.

ПУТРАВА

В небольшое количество кипящей воды крошится картофель. Предварительно замешанное на яйцах крутое тесто (как для лапши) разминается в лепешку и рвется на мелкие кусочки — «зацирку». Зацирка бросается вслед за картофелем. Затем наливается молоко, добавляется соль, по желанию кладутся специи, все доводится до кипения — и суп готов.

БЭТКИ

Взять свиной или говяжий желудок, очистить от внутренней пленки, замочить его в соленой воде на ночь. Утром вновь промыть, нарезать кусочками (лапшой) и отварить. При варке кладутся лук, укроп, лавровый лист, соль, перец. По желанию можно добавить уксус, тогда перед едой блюдо нужно заправить свежими сливками.

Из сваренного до готовности желудка можно приготовить и второе блюдо. Желудок режется на кусочки, отваривается и пережаривается с луком на свином жире или сале со шкварками.

КОЛБАСА КОПЧЕНАЯ

Сырое свиное мясо (можно добавить и немного говяжьего) мелко нарезать, посолить по вкусу, заправить специями (чеснок, перец, лавровый лист) и оставить на сутки в холодном месте, чтобы мясо пропиталось.

Почистить ножом тонкие свиные «кишки», промыть их в теплой соленой воде и набить мясом. Когда кишки заполнены, их прокалывают булавкой, чтобы вышел воздух, и при копчении колбаса не лопалась. В течение ночи колбаса вылеживается, слегка подсыхая, наутро относится в «винзарню» (копильню) и коптится на осиновых и лиственничных дровах. Через три-пять часов колбаса готова.

КАРТОФЕЛЬНАЯ КОЛБАСА

Свиные кишки (более толстые, чем для копченой колбасы) чистят и промывают, набивают в них сырой тертый картофель, приправленный солью и специями — чесноком, луком, перцем. Для жирности в картофель можно добавить пропущенные через мясорубку свиные шкварки. Колбасу запекают на смазанном жиром противне в русской печи или духовке.

КАРТОФЛЯНКИ

Холодный вареный картофель истолочь, добавить муки и соли, перемешать. Полученное тесто раскатать в длинные тонкие колбаски и нарезать на кусочки. Каждый кусочек скатывается руками в шарик и прижимается пальцем на ладони. Получаются плоские лепешечки с ямкой посередине — картофлянки. Отварить их в соленой воде.

Копченое сало режется на кусочки и пережаривается на сковороде до образования шкварок. Затем в сковороду высыплются отваренные картофлянки и поджариваются до «припечек», до получения золотистой корочки.

СЫРНИКИ

Творог с сахаром хорошенько перетирается деревянной

толкушкой в чашке так, чтобы получилась однородная, без крупинок масса. Из нее формуется продолговатой формы (как котлетки) сырники. Они украшаются сверху несколькими ягодами клюквы или брусники и выносятся на мороз. Такие сырники — излюбленное лакомство детей, которое тает во рту как мороженое.

КВАС НА БЕРЕЗОВОМ СОКЕ

Весной, когда на березах набухают почки, собирается березовый сок. В тепле он быстро начинает закисать и через два-три дня покрывается плесенью, приобретая сероватый цвет. Не дожидаясь этого, в емкость с соком кладут пережаренный в русской печи (духовке) ячмень или пережаренные до темно-коричневого цвета куски зачерствевшего черного хлеба и убирают ее в подпол или подвал, где квас может храниться до сенокоса, а то и до самой осени. Перед употреблением квас процеживается, при желании добавляется сахар.

Рецептами поделились: Альвина Адольфовна Зелент, Аняля Михайловна Гильдебрант, Наталья Юльевна Людвиг, Елена Владимировна Людвиг, Наталья Ивановна Людвиг, Адольф Михайлович Кунц.

Записал Ю.П. Лыхин

**В гостях у Альвины Адольфовны Зелент. Пихтинск.
Фото Ю. Лыхина, 2004 г.**

15-00

